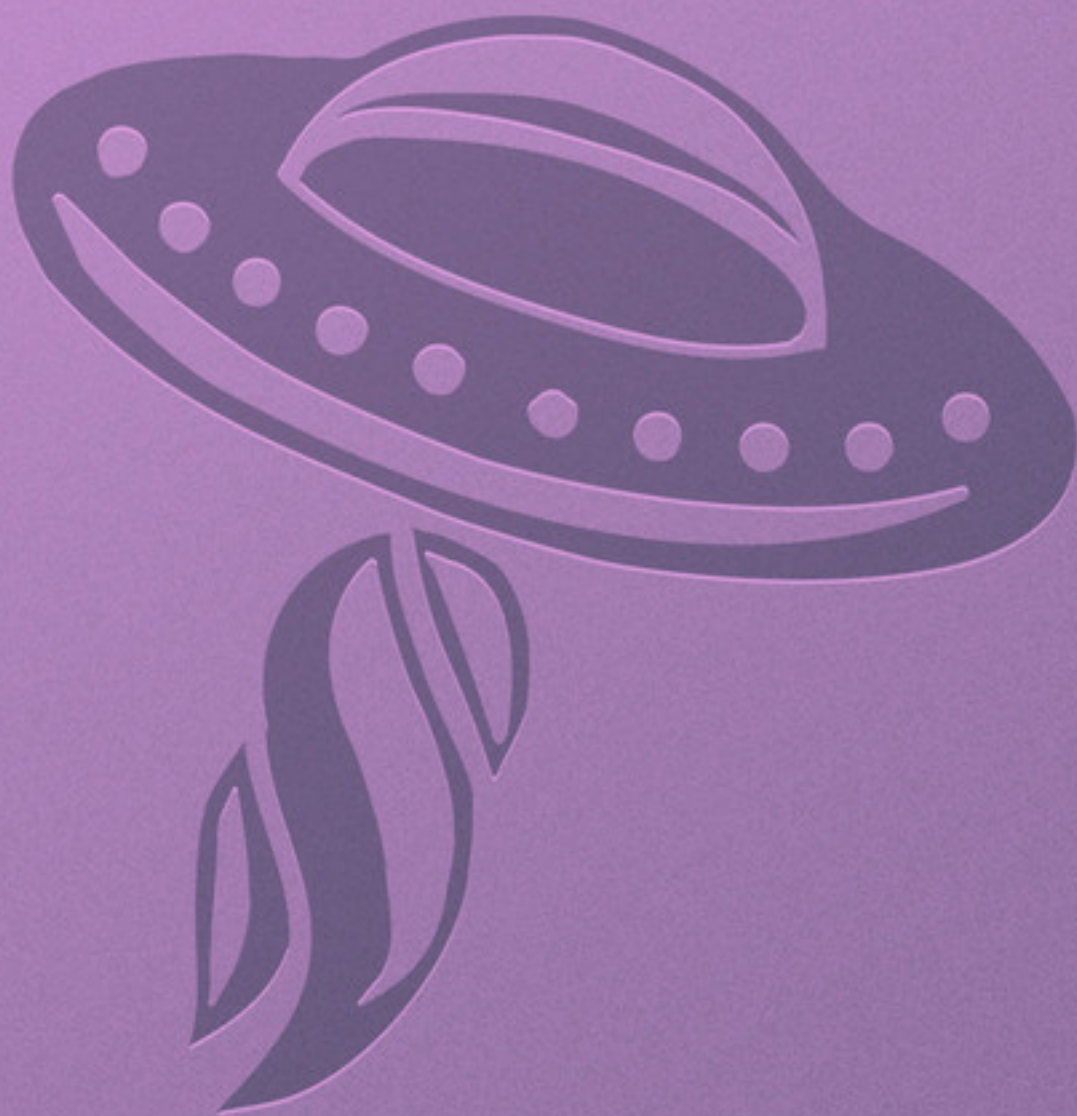

Андрей Анисимов

Доступ к телу

Андрей Анисимов

Доступ к телу

«Автор»

2015

Анисимов А. Ю.

Доступ к телу / А. Ю. Анисимов — «Автор», 2015

Пожилой ученый открывает ген в мозгу человека, отвечающий за его честность. И не только открывает, а находит способ этот ген активизировать. Человек с активизированным геном по определению не может брать взятки и зариться на чужое. Свое открытие он проверяет на шимпанзе, а потом на рецидивистах. Удостоверившись в стопроцентном успехе, вместе с сыном-банкиром пытается внедрить свое открытие на государственном уровне. Пользуясь связями сына-банкира, доходит до Кремля. Но даже при поддержке власти всё оказывается не так просто.

© Анисимов А. Ю., 2015

© Автор, 2015

Андрей Анисимов

Доступ к телу

Когда по утрам звенят на кухне ложки, а вам хочется спать, только врожденная интеллигентность заставляет гасить мат внутреннего голоса. Сначала открываешь глаза, потом вспоминаешь, в какой стране живешь. Живешь в дерьме, но вставать все равно надо.

«днем возможны кратковременные дожди... просто будь мужчиной...» – бубнит телевизор, его звук настолько привычен, что уже не вызывает раздражения. Ноги механически опускаются на пол. Ступни ощупывают пространство в поисках тапок. Тапки всегда не там, где их оставишь. Будто сами ночью вышагивают по загадочным маршрутам. Если тебе далеко за полтинник, просыпаться еще хреноее. Одно радует – начинаешь день не в лачуге, а в апартаментах. Приятно иметь богатого сына, если ты ученый. Теперь русский ученый – нищий. Подайте бедному профессору на аппарат по фотосинтезу. Нет, тебе фотосинтез не нужен, тебе нужен мозг, хотя бы шимпанзе. Вот тут богатенький сын и пригодился... Подумав о мозге, Александр Ильич вспомнил, что его ждет сегодня, и заторопился.

«скрутило, растянуло, ударило... этот аппарат позволит сохранить вам молодость... в ДТП погибло три человека и двое получили травмы... вы этого достойны».

В квартире Бородиных завтракали в начале девятого, поскольку в девять прикатывал водитель Арсения, Вася, и вез его в банк. Бородин-младший мог позволить себе задержаться минут на двадцать, но никак не больше. Требуя от подчиненных дисциплины, начинать неплохо с себя любимого. Поэтому позже половины девятого семья за стол не садилась.

Александр Ильич остановился на пороге и замер, словно забыл, зачем сюда пришел. Жена напряженно караулила пенку в кофейнике и мужа не замечала в упор. А Бородин смотрел вдаль невидящими глазами, будто попал сюда впервые. С ним такое случалось – видел сотни раз, но до сознания не допускал и вдруг открывал для себя заново...

Кухни, как таковой, Бородины не завели. Пищевой блок становился как бы частью просторного столового зала, занимая треть стены у окна. На столешнице светлого дерева, инкрустированного узором из более темных пород, поблескивал белизной сервиз тонкого немецкого фарфора. Ветчина, сыр, ломтики красной рыбы вперемежку с овощами и фруктами – натюр-морт, достойный разворота глянцевого журнала. Удобные кресла и вместительный буфет занимали не больше трети столовой. Простор помещения ненавязчиво сообщал о достатке хозяев и их вкусовых пристрастиях. Все удобно, комфортно и ничего лишнего – ни безделушек, ни хрусталя. Лишь ваза из тонкого стекла с веткой живой сирени. Так, штрих интеллигентского декаданса...

«...за изнасилование трех малолетних мальчиков прокурор временно отстранен от должности... два человека погибли, шесть ранены... управляй мечтой».

– Отец, что ты торчишь на пороге? – Арсений вышел из ванной, благоухал дорогим парфюмом и солидно торопился. Не словами, всем своим существом.

– Прости, сынок, задумался.

Сын легонько подтолкнул отца:

– Много думать вредно. Пошли за стол.

Отец и сын уселись в кресла одновременно. Мария Николаевна еще хлопотала у плиты. Кофе сберегла, теперь колдовала над яйцами. Арсений предпочитал «мешочек». Чтобы его получить, дождавшись кипения, она считала до двадцати. По российскому каналу местные новости перемежались рекламой – «... микробы вашего туалета... унитаз стерильно чист». Телевизор никто не слушал. Обычный фон городской квартиры. Александр Ильич продолжал рассматривать столовую и чему-то улыбался. Арсений посмотрел на папашу с недоумением.

Повода веселиться телеведущий не давал – рассказывал об очередном трупе. Утром застрелили начальника департамента землепользования.

«...по факту убийства возбуждено уголовное дело... работает следственная бригада... в животе ураган, принимай эспумизан».

– Что тебя развеселило, папа? – Арсений спрашивал и одновременно пристраивал на колени салфетку.

Наследник с детства выказывал болезненную чистоплотность. Откуда взялся у сына этот генетический код, Бородин-старший так и не разобрался, хотя считал себя интеллигентом в пятом колене. Правда, кто эти колена теперь считает? Если твой дед не служил стукачом или свинопасом, его большевики шлепнули бы раньше, чем он успел поделиться родословной с внуками.

– Чему ты улыбаешься, отец? – Повторил Арсений.

Александр Ильич перевел взгляд на сына.

– Да, так, дружок... Вот смотрю на нашу столовую – мебель итальянская, обои финские, телевизор японский. В России ли живем?

– Забавно, – согласился сын.

Мария Николаевна разлила кофе по чашкам. Домработница Клава появлялась у них позже. Пользуясь редкой возможностью поухаживать за своими мужчинами, за завтраком она прислуживала сама. Обедали Бородины вместе редко, а ужинали и подавно. Арсений имел привычку загулять за полночь, но просыпался всегда дома. К поздним прогулкам «мальчика», хоть «мальчику» осенью стукнет сорок, Мария Николаевна так и не смогла привыкнуть. Вот и сегодня новость об очередном заказном убийстве кольнула материнское сердце. Усаживаясь на свое место, метнула тревожный взгляд в сторону сына:

– Ты этого Тальчевского знаешь?

Арсений оторвался от шелушения яйца:

– Какого Тальчевского?

– Чиновника, которого сегодня застрелили. Не слышал? Только что в новостях передали.

– Антона Марковича? Пару раз пересеклись, – сын ответил нехотя, скорее из вежливости, чтобы не обижать мать.

– Пересеклись... Боюсь я за тебя, Арсик...

– Не начинай, мама. Убивают тех, кто нарушает понятия.

Женщина повернулась к мужу:

– Саша, ты слыхал о «понятиях»?

– Понятия? – переспросил Александр Ильич.

Заметив растерянность на лице родителя, Арсений пришел на помощь:

– Не трогай отца, мама. Видишь, папа сегодня задумчив и ему не до нас.

– До вас, – не слишком уверенно возразил глава семейства.

Мария Николаевна сдвинула брови. Она их сдвигала всегда, когда ее беспокоило что-то глобальное:

– Арсик, что за слово такое – «понятия»? Я знаю слово «закон», знаю слово «правила».

А про «понятия» в данном контексте мне ничего не известно. Это блатное аргю?

– Возможно.

Женщина посмотрела на мужа и брови ее тут же раздвинулись:

– Саша, зачем ты тыкаешь яйцо зубочисткой?

– Пытаюсь разбить скорлупу...

– Не идиотничай, возьми чайную ложку. Показать, как это делается?

– Не надо, Маша. Я помню.

– Надеюсь, – и она, вернув прежнее выражение, вновь обратилась к сыну:

– И за какие же «понятия» стреляют в людей?

– Не за понятия, а за поступки...

– И что же такого совершил твой Антон Маркович, чтобы его отправили на кладбище кормить червей?

– Червей, – эхом отозвался Александр Ильич и рассеянно улыбнулся, продолжая размышлять о своем.

Арсений поморщился. Молодой банкир отличался не только чистоплотностью, но и брезгливостью. Кладбищенские черви портили ему аппетит.

– Мама, не надо за столом о гадостях. И потом, ты же этого мужика совсем не знаешь.

Мария Николаевна повысила голос:

– Речь не о нем, за тебя волнуюсь! Но тебе смешно! Зачем слушать глупую женщину? А я, между прочим, ученый-филолог. Правда, давно не у дел, но голова на плечах пока сохранилась.

– Да, Машенька, ты у меня умница, – вставил Александр Ильич, роняя на колени колбасу с бутерброда.

Супруга помогла ему вернуть колбасу на место, и он продолжил трапезу. Арсений проявил снисходительную нежность, погладил мать по седеющим локонам:

– Мама, я не считаю тебя глупой. Но ты не владеешь информацией. Антон Маркович чиновник. Он обещал двести гектаров под застройку одному бандиту, а оформил другому. Вот и схлопотал.

Брови Марии Николаевны сомкнулись:

– Ты знаешь, кто его застрелил?

Сын прожал плечами.

– Естественно. Весь город знает.

Она приподнялась в кресле. Голос выразил гнев, возмущение, пафос:

– И этого бандита не арестуют?!

– Зачем? Он живет по понятиям.

– Кошмар какой-то! – Она уселась назад, сделала себе бутерброд с красной рыбой и, посчитав, что тема исчерпана, аккуратно откусила кусочек.

Но сын пожелал растолковать ей проблему до конца.

– Мама, поверь, в России никого просто так не отстреливают. У нас вокруг каждого делового мужика, как волка, красные флажки. Зайдешь за них, схлопочешь неприятности. Воруй, но на своей территории.

Выразить эмоцию она не могла. Воспитанные люди с полным ртом не беседуют. Выказался муж и, как всегда, не к месту. Подсознательно отреагировал на слово «волк»:

– Волк весьма высокоразвитое млекопитающее. – Александр Ильич имел аргументы, чтобы развить тему волчьего интеллекта гораздо глубже, но вместо этого провел салфеткой по губам. И тут же понял, что забыл побриться: – Машенька, спасибо за завтрак. Пойду бороться с атавизмом – щетина выходит из-под контроля.

Вставая с кресла, сбросил на пол вилку и перевернул чашку. К счастью, кофе в ней уже не было. Оставшись вдвоем, мать и сын многозначительно поглядели друг на друга. Обычно глава семьи к своей внешности относился рассеянно, впрочем, как и к внешности своих домочадцев. Мария Николаевна добавила сыну кофе:

– Твой отец сегодня неадекватен. Не свихнулся бы муженек.

Сын улыбнулся краешком губ, чуть иронично, но уважительно.

– Не волнуйся, папа заканчивает что-то грандиозное.

– Мог бы и рассказать. Мы ему не чужие. Или это только для матери тайна за семью печатями?

Арсений дотронулся до ее руки с тем же оттенком снисходительной нежности:

– Нет, мама. Он и мне ничего толком не рассказывает. Ты же знаешь, какой он суеверный.

– Знаю.

– Вот и не спеши. Придет время, мы все от него узнаем.

В кармане сына звякнул мобильный. Он вынул трубку, посмотрел на нее и вернул в карман.

– Вася прикатил. – Огорчилась Мария Николаевна. Безответный звонок в это время означал появление во дворе водителя сына. А с ним и конец семейного застолья. А она так и не успела поговорить с Арсением «по душам». Мать давно тревожилась за образ жизни повзрослевшего чада. Его пристрастие к смене подруг казалось ей не менее опасным, чем его поздние прогулки: – Уже уходишь? А кекс?

– В другой раз, мама. Тебе или Клаве сегодня машина понадобится?

– Спасибо, нет. Мы вчера отоварились в универсаме.

– Хорошо, – он посмотрел на часы и поднялся.

Она его перекрестила:

– Береги себя, сынок.

Арсений поцеловал ее в темечко, что подразумевало прощание интеллигентного сына с интеллигентной мамой, вышел из столовой и заглянул к Александру Ильичу в ванную:

– Папа, тебя подвезти?

– Не надо, Арс. Я хочу пробежаться пешком.

– Как знаешь, папа. Васька уже приехал, но десять минут я бы мог внизу подождать.

С отцом Арсений изменял тон на дружелюбно-покровительственный. Словно сам был родителем, а не наоборот.

– Не утруждайся, дружок.

– Карманные деньги нужны?

Александр Ильич отрицательно мотнул головой:

– Ты же мне в понедельник выдал пятнадцать тысяч...

– Они еще целы?

– Только две истратил. Купил на неделю фруктов для Фони и Норы. Так что все в порядке, – отчитался отец, и сын опять заметил в его лице нечто рассеянное.

Вообще сегодня Бородин-старший действительно выглядел не совсем обычно. Что-то таинственное и торжественное таилось в его облике. Александр Ильич словно ушел в себя и отгородился от близких невидимым стеклом. Подобное с ним случалось и раньше, но не до такой степени.

– Как знаешь, – повторил Арсений и пошел к двери.

Александр Ильич что-то промычал вслед, старательно ополоснул лицо, погляделся в зеркало и, даже было, потянулся к французскому одеколону. Флакон он получил в подарок от жены в День Ангела. Средства на дорогой парфюм Марии Николаевне, конечно, выдал Арсений. На профессорскую зарплату, которую Бородин до копейки отдавал жене, такого парфюма не купишь. Подарок уже три месяца оставался запечатанным. В институте ученый поддерживал постоянный контакт со своеобразной супружеской четой, а им запах одеколону мог и не понравиться. Решил и сегодня воздержаться.

Вернувшись в спальню, натянул белоснежную сорочку и набросил на шею галстук. В столь официальном наряде супруг на работу отправлялся крайне редко. Мария Николаевна, заметив, что у него с галстуком получается плохо, пришла на помощь:

– К обеду ждать?

– Нет, Машенька. Не жди. И вообще, сегодня на меня не рассчитывай, могу и припоздниться.

Она проводила его до прихожей, и лишь когда муж нагнулся обуваться, заметила, что один носок у него коричневый, а другой синий.

– Хочешь, чтобы снова вся лаборатория над тобой смеялась?

– Ой, Машенька... Опять перепутал.

Она принесла ему другую пару носок и уже в дверях перекрестила. Она всегда крестила на дорогу мужа и сына. Захлопнув за ним парадное, побежала на балкон. Через несколько минут Александр Ильич появился во дворе.

– Будешь переходить улицу, смотри на светофор! – крикнула она, сложив ладони «рупором».

Он поднял голову и помахал ей рукой. Женщина поняла, что муж ее слышал, но дошел ли до него смысл ее слов, понять не смогла. Вернулась в столовую убирать посуду в машину. Телевизор продолжал бубнить: «... Предприниматель Альберт Нуткин скончался на месте. Это уже третье убийство в отрасли минеральных удобрений... бархатные ручки сохраняют вам молодость. Заботьтесь о себе».

* * *

Опеку жены Александр Ильич воспринимал как нечто неизбежное. За годы, прожитые вместе, к опеке привык. Не мог привыкнуть к ее старению – Машу теперь чаще величали Марией Николаевной. Он женился рано и больше об этом не думал. Вроде анекдота про алкоголиков – утром принял стакан и весь день свободен. У него так с женой. Обзавелся ею на первом курсе, и женщина всю жизнь под боком. Можно не тратить силы на всю эту любовную чушь. Времени у человека мало, особенно когда он занят наукой. Сначала долго учишься, потом пытаешься делать все наоборот, иначе откроешь закон Ньютона... вторично. Знакомые мужчины иногда спрашивали, как он сумел сохранить супружескую верность столько лет. Он считал их придурками. Александр Ильич не хранил верность, он работал. Для него это куда интереснее, чем менять плоть, окружающую половые органы прелестниц. Вот его сын меняет, оттого не женится. Про сына он думал так: «Они теперь другие. Женщина для них атрибут из набора престижных вещей. Желательно блондинка, обязательно длинные ноги и голливудский оскал. Такую куклу водят рядом, как живой охотничий трофей. И еще важно, чтобы она молчала и все время улыбалась. Они и улыбаются, пока им платят. Но не приведи Господь попасть с такой зверушкой в переделку – сожрет с костями». Все это Бородин-старший вывел для себя давно. И сегодня, шагая по улице, о семье думал меньше всего. Сегодня особый день в его жизни.

– Куда прешь, мудака херов. – услышал он после визга тормозов.

Все же не заметил светофора и перешел улицу на красный. За это и получил брань водителя.

– Извините, любезный – ответил ученый, ускоряя шаг.

В институт ворвался бурей. Лифт почему-то сам остановился на третьем и подниматься выше не желал. Бородин знал – вещи его не любят, и два лестничных пролета преодолел махом. Вот и его лаборатория. Здесь и находился его настоящий дом. Ни итальянской мебели, ни немецкого фарфора. Столы вечно завалены журналами. На них неделями невымытые чашки. Свежий чай наливают в остатки старого. Кофе он в лаборатории запретил. Не признавал растворимого, а варить настоящий долго. Пепельницы, забитые окурками, опорожнялись редко. Обычно тишина, нарушаемая зудом процессоров. И еще теснота. Неосторожно заденешь полку, бумаги летят на пол. Кабинетов много, а места нет. Бородин теснота не удручала – так и должно быть. Просторно только в вольерах «семьи». Но там особый запах. Борются с ним бесполезно – это царство Норы и Фони. И только одно помещение всегда стерильно и в образцовом порядке – его «операционная». Белая комната с лазерной установкой. Ее Бородин изобрел сам. Рядом на штативе телевизионная камера. В операционную входить без него не разрешалось.

В лаборатории Александра Ильича ждали. И судя по лицам помощников, остроту момента ощущали и члены его команды – младший научный сотрудник Катя Суркова, аспи-

ранты Вадим Дружников и Николай Тарутян. Даже лаборант Витя Шаньков, задира и циник, сейчас выглядел одухотворенным. Все они встречали его, словно генерала на парадном плацу, возле кабинета стоя. Катя Суркова заглянула ему в глаза и тихо сказала:

– Александр Ильич, все готово.

– Надеюсь, их не кормили?

– С в-в-вчерашнего д-д-ддня, только вода. – Тарутян заикался.

– Это хорошо. Как они себя чувствуют?

– Ф-ф-ф-фоня солиден, не жлобит и не развратничает, а Нора уд-д-д-дивительно задудумчива.

– Странно... Неужели и на поведенческом уровне их характер меняется? – Спросил Александр Ильич. Спросил больше у себя, чем у своих помощников.

– Жрать хотят, вот и присмирели, – ухмыльнулся Шаньков, на минуту вернув себе обычное состояние циничного шалопаю. Но тут же осекся и посерьезнел.

– Тогда вперед. – Александр Ильич резко открыл дверь в помещение с тяжелым запахом, подошел к толстому стеклу, отделявшему часть пространства от владений «семьи», и уселся в кресло. Молодые ученые сгруппировались за ним. Шаньков занял место у камеры, которую перетащил из операционной еще вчера вечером. Все замерли, выжидали команды. Но шеф не спешил. Мальчишеское нетерпение, овладевшее им с момента пробуждения, в лаборатории отступило. Теперь ему хотелось настроиться так, чтобы принять с одинаковым спокойствием и победу, и неудачу. Ведь он ученый и понимает: любой результат – это всего лишь шагок в череде проб и ошибок. Хорошо, если этот шагок верен, а если нет – надо долбить снова. А возможно, и поменять «материал». Хотя в Фонию и Нору он вложил огромное количество труда и энергии, но свет клином на них не сошелся.

Фоня поступил в Институт полтора года назад. Нора появилась на семь месяцев позже. Период ухаживания составил несколько минут. При встрече Фоня взял Нору за шиворот и, не слишком заботясь о взаимности, совершил с ней короткий половой акт. Так они познакомились и поженились. Профессор и его помощники в формировании обезьяньих личностей участия не принимали. Оба примата – это взрослые особи, с вполне сформировавшимися характерами. И если Нору отняли на таможне у незадачливого любителя экзотической живности, то Фонию продал в институт дрессировщик Залетов, который и растил обезьяну. Но надежд дрессировщика Фоня не оправдал. Повзрослевший самец не поддавался цирковому обучению. И не потому, что был лишен от природы сообразительности, а в силу несносного характера. Фоня отличался подлостью, был злопамятен и любил гадить даже тем, кто ему симпатизировал. Типичная агрессивная обезьяна с отвратительными манерами. Но что плохо для дрессуры, то хорошо для науки. Именно такой беспардонный жлоб больше всего и подходил для эксперимента ученого.

За толстым стеклом, прямо перед Бородиным, стояли две яркие тарелки – красная Фони, зеленая Нору. На зеленой два спелых банана, красная пуста. Александр Ильич оглянулся на помощников:

– Камера готова?

– Все в норме, – успокоил шефа Шаньков. Съемка опыта входила в обязанности лаборанта. Телекамеру, гордость небольшого коллектива, подарил Бородину сын. Настоящая цифровая машина, какой пользовались операторы продвинутых телевизионных компаний. Она прекрасно воспроизводила картинку и давала возможность для точнейшего монтажа отснятого материала.

Александр Ильич тяжело вздохнул, словно набирал воздуха для погружения в воду, и махнул рукой:

– Запускайте.

Фоня вошел вразвалочку. Он передвигался на четырех конечностях, странно приплясывая, виляя бедрами и раскачиваясь из стороны в сторону. Оглядев помещение, человекообразный самец тут же направился к тарелкам, замер возле них. Его морда выразила человеческое недоумение. Не поверив глазам, потыкал пальцем передней лапы свою пустую тарелку. Затем лапа потянулась к бананам, что лежали на тарелке Норы. Не дотронувшись до них, Фоня оскандился, прижал нос к стеклу, апеллируя к Бородину и его помощникам. Не добившись реакции, забарабанил по стеклу, лег на спину и завыл. Выл долго. Поднявшись, снова подскочил к тарелкам, схватил свою пустую, и в яростном порыве швырнул ее об пол. Посудина с грохотом покатила в угол. Тарелка с бананами оставалась нетронута, хотя схватить бананы Норы примату ничто не мешало. Однако зверь к тарелке подруги не прикоснулся. Срывал зло на других предметах – содрал качели, раздолбал табуретку, разгрыз резиновый мяч. Прodelав все это, уселся на пол, спиной к наблюдавшим за ним людям. Весь его облик выражал гнев и обиду.

Через десять минут Александр Ильич разрешил заманить шимпанзе в соседнее помещение и накормить. Что и было исполнено. Катя Суркова переложила бананы из тарелки Норы в тарелку Фони. Александр Ильич продолжал сидеть в кресле. Его бледное лицо покрылось испариной. Он протер лоб платком и велел запускать Нору.

Самка вошла в вольер, едва опираясь на передние лапы. Совершила променады вдоль стеклянной стены, гортанно приветствуя сотрудников лаборатории. Покончив с приветствием, присела возле тарелок. Морда примата выразила озадаченное изумление. Не такое, как у ее супруга – возмущенно-негодующее, а скромнее. Нора по-женски удивилась. Столь красноречивая мимика, отразившая чувства обезьяны, в другое время заставила бы участников эксперимента расхохотаться. Но смеха не последовало. Опыт продолжался, и хоть первая его часть прошла успешно, расслабляться никто не думал. Нора уселась возле тарелки Фони и слегка подвинула ее ближе к своей. Но тут же, словно устыдившись поступка, отодвинула бананы назад, еще дальше, чем они находились до этого. Следующий ее жест едва не заставил Бородину прослезиться. Нора взяла свою пустую тарелку и поднесла ее к стеклу. Обезьяна недвусмысленно давала понять людям, что с ней поступили несправедливо.

– Десять минут прошло, – напомнил Дружников.

– Накормите Нору, – ответил Александр Ильич, и почувствовал, что ему не хватает воздуха.

– Вам п-п-плохо?! – испугался Тарутян. Суркова бросилась в соседний кабинет за валидом. Дружников вытер лоб шефа влажным полотенцем, Шаньков, оторвавшись от камеры, ослабил галстук на его шее. Лицо Александра Ильича начало медленно розоветь. Вскоре он уже ощущал себя вполне здоровым. Переполох с его обмороком отвлек ученых от обезьяны. Нора расхаживала по вольеру на задних лапах, поднимая свою пустую тарелку над головой. Бананы Фони она так и не тронула.

Александр Ильич взглянул на часы:

– Господа, эксперимент с Норой длится двадцать семь минут, вместо запланированных десяти.

– Поздравляю вас, профессор! Мы вошли в другую эру! – пафосно сообщил Дружников, продолжая съемку. – Господа, мы обязаны дать нашему гену название.

Тарутян поспешил высказаться:

– П-п-предлагаю назвать его в честь профессора АИБ.

– Почему АИБ? – спросила Суркова. Но потом сама сообразила: – Первые буквы – Александр Ильич Бородин, так?

– Молодец, Катерина. Настоящий ученый, – похвалил девушку Дружников: – Теперь у нас есть ген, и мы дали ему имя!

– Да здравствует профессор, а с ним его ничтожные рабы!

– Коллеги, фонтан дури закрыли, – потребовал Бородин: – Не хватает мне тут культ личности развести. Давайте мыслить скромнее. Обозначим ген буквой «Ч». От слова честность, или честь.

– Иностранцы эту букву не выговаривают, – напомнила Суркова: – А ваше открытие – достижение мирового масштаба. Предлагаю тогда уж латинскую «h».

Катерина одна в лаборатории владела английским без словаря, и возражений не последовало. Александр Ильич достал из кармана пиджака бумажник, извлек из него тонкую пачку тысячных купюр и, потрясая ими, заявил:

– Коллеги, у меня в руках тринадцать тысяч рублей. Три я откладываю на фрукты для наших обезьян, а десять мы прокутим здесь и сейчас. Отправляйтесь по магазинам и зовите ребят из соседних лабораторий. Но только посвященных, тех, кто помогал нам в работе.

Предложение завлаба потонуло в громогласном «ура».

* * *

– ...привлечение «плохих» заемщиков, господа, лишит вас бонусов. Во времена кризиса ответственность каждого велика... – Арсений проводил совещание менеджеров среднего звена. Решался вопрос о возобновлении кредитов физическим лицам. Открывать эту, замороженную с началом кризиса, линию по своей воле он бы не стал. Но его банк получил помощь от государства с условием кредитования граждан на покупку недвижимости. Выполнялась президентская программа «доступное жилье», и игнорировать ее – создавать себе проблемы с властью. Однако кредиты возвращают далеко не все заемщики. Толково отобрать клиентов предстояло именно этим сотрудникам. Для чего Арсений их и собрал. Он говорил уже минут пятнадцать, когда в дверь заглянула Ирина. Секретарша в зал не вошла, но ее замирание на пороге красноречиво указывало на нечто, требующее его внимания. Арсений подошел к девушке: – Что тебе?

– В приемной ваш отец. Просит, чтобы вы его приняли.

– Что надо папе?

Ирина приподнялась на цыпочки и потянулась к уху босса:

– Не сказал. Сказал, что срочно.

Арсений извинился перед служащими и вышел в приемную.

– Сын, нам надо серьезно поговорить.

Галстук отца съехал набок, от Бородина-старшего исходил запах спиртного.

– У тебя что-то случилось?

– Не только у меня. У всего человечества.

– Можешь не так глобально?

– Не могу.

– Тогда подожди полчаса. Я закончу совещание – и к твоим услугам.

– А с кем ты совещаешься?

– С менеджерами.

– Вот что сынок, гони их в шею. Твои менеджеры никуда не денутся, а я могу передумать и пойти в другой банк.

Арсений хмыкнул, взял отца под руку и повел по коридору. Ира их догнала:

– Мне попросить сотрудников ждать?

– Гони их в шею.

– Что? – опешила девушка.

Арсений не ответил и открыл дверь в небольшой кабинет, приспособленный для приема VIP-клиентов. Усадив отца в кресло, открыл бар, достал бутылку виски и два стакана. Затем отыскал в холодильнике лимон, аккуратно нарезал его, поставил все это на столик и уселся сам.

- Сколько тебе нужно?
- Ты про деньги?
- С другим ко мне не приходят.
- Моя проблема сложнее.

В кармане банкира запел мобильный. Арсений достал трубку, посмотрел на дисплей, отключил телефон и бросил на столик:

- Тогда чего ты хочешь?
- Хочу трех уголовников. Желательно рецидивистов.
- Ну-ну... Обезьян тебе уже мало?
- Они свое сделали. Пора переходить к завершающему этапу.
- Отец, я не любопытен. Но ты приходишь с весьма странной просьбой, а я даже не знаю, в чем суть твоих экспериментов. Так несправедливо.

- А я тебе не говорил?
- Только в общих чертах. Я лишь понял, что ты работаешь с генами двух шимпанзе.
- Работал. Теперь это пройденный этап. Если коротко, я нашел в мозгу приматов ген «h», отвечающий за их честность, и активизировал его. И это сработало.

– Честность у обезьян? Шутишь?!

– Нисколько. Естественно, это чувство у них куда примитивнее человеческого. Хотя на уровне «мое – чужое» оно у них присутствует. Но срабатывало лишь в тех случаях, когда обладатель «чужого» физически сильнее.

– Примерно, как и у наших граждан...

– Подожди с аналогиями. Так вот, после активизации этого гена, они не берут чужое, даже если владельца нет рядом.

– Занятно.

– Ты представляешь, что это значит, если перенести опыт на человека! Я могу исправить генетический код сотням, тысячам людей. Даже, не побоюсь заявить, целой нации. Представь, сынок, русских людей, переставших воровать?

– Допустим. А кому это надо?

Александр Ильич вскочил с кресла:

– Как, кому? Государству, тебе, мне, всем!

– Тебе это не нужно, ты воровать и так не умеешь. За остальных сильно сомневаюсь.

– Дружок, ты глубоко ошибаешься.

– Не будем спорить, давай конкретно. Тебе нужны неисправимые преступники и что еще?

– Еще, как ты сразу догадался, деньги на продолжение опытов. В обозримом будущем от института я их получить не смогу по двум причинам – во-первых, этих денег у нас нет...

Арсений смотрел на отца, словно видел его впервые – морщинки у глаз сходились паутинкой к виску... Когда отец открывал рот, нос у него немного подергивался. Арсений это запомнил с детства. Но теперь он не мальчик, а отец все дергает носом... Так странно видеть это в кабинете для приема VIP-персон. И виски у папы пострижены смешно, один длиннее, другой короче... И зубы от курения сильно пожелтели. Отец стареет... Наверное, так и должно быть. Но это там, дома, нормально, а тут, в кабинете, странно...

– Продолжай, папа. Я понял, во-первых, у вас нет денег. Что во-вторых?

– Во-вторых – опыты на людях требуют огромного числа разрешений и согласований. На что могут уйти годы, а я уже далеко не так молод. Поэтому я должен получить открытый кредит банка, готового не афишировать направление моей научной работы. Стоит ли объяснять, что твое предприятие подходит для этого лучше других.

– Логично...

– Лишнего я с тебя не возьму, только самое необходимое.

Арсений плеснул в оба стакана виски, поднялся с кресла и с напитком в руках подошел к окну.

– С тобой, папа, не соскучишься... Но скажу тебе прямо – это утопия.

– Ты не веришь отцу? Не веришь, что я нашел и активизировал ген «h»?! – возмутился ученый.

– Не кипятись, отец. В это я верю. Не верю в конечный результат.

– Почему?

– Потому что он у нас никому не нужен. Ты задумал лишить русского человека смысла жизни. Кто это тебе позволит? Тебя убьют, а заодно и меня. Пожалей сына.

Александр Ильич юмора не замечал, и Арсению стало стыдно. Банкир попробовал заставить себя забыть, что он сын этого человека. Перед ним большой ученый, что было истинной правдой, и его надо серьезно выслушать и серьезно воспринять... И у него получилось:

– Прости, отец, я внимательно слушаю.

– Дружок, очнись. Главная беда нашей страны в нечистоплотности граждан. Пойми, русские люди не всегда были ворами. Наши прадеды, опозорившие себя нечестным поступком, пускали пулю в лоб. Ген чести деградировал за последние десятилетия.

– Папа, что ты несешь?! У нас всегда воровали. Читай классиков.

– Конечно. Но это были отдельные особи. И общество их отторгло. Но постепенно ген «h» атрофировался у целой нации. И я способен его вернуть.

– Каким образом? Допустим, твои пациенты воровать отучатся. Но это капля в море.

– Почему?

– Твой активизированный «h» отвечает за взятки? За желание физически уничтожить конкурента чужими руками? За сокрытие налогов?

– Отвечает. Все перечисленные тобой пороки – это производное второй заповеди Христа «не укради». Если подходить к Библии с научной платформы, в десяти заповедях прописано поведение члена человеческого сообщества, необходимое для проживания в коллективе себе подобных. Только и всего. Восьмая заповедь гласит: «Не возжелай имущества ближнего». А это тот же самый ген «h».

Арсений глотнул виски и закусил лимоном:

– А как насчет первой заповеди «Не убий»?

– Тут сложнее. В ген агрессии я вмешиваться опасуюсь. Важна мотивация – воин, убивший врага, не преступник. Вспомни дуэли. Но убийство с целью наживы «h» исключит.

– Отец, ты наивный идеалист. Но я тебя люблю и постараюсь помочь. Итак, ты хочешь, чтобы я прикупил тебе троих уголовников. А почему именно троих?

– А почему именно прикупил?

– А как ты себе это представляешь?

– Не знаю.

– Объясню. Для этого мне надо встретиться с начальником Федеральной Службы Наказания, пообещать ему беспроцентный кредит, а попросту, взятку, и получить тех, о ком ты просишь.

– А иначе нельзя?

– Иначе не получится. Хотя не исключаю, все окажется еще проще – он назовет сумму.

– Ради благого дела я тебя осуждать не буду.

– Спасибо, отец.

– Пожалуйста, сынок.

– Теперь объясни, зачем тебе целых три уголовника? Одного недостаточно?

– Результат, полученный на одном подопытном, можно списать на случайность. На двух тоже. Но три – это уже закономерность.

– Хорошо, допустим, я договорюсь выдать мне на время троицу бандитов. И где ты намерен их содержать? В институте?

– В институте они пробудут ровно столько, сколько понадобится на прививку. Это не больше двух часов. Потом они должны оставаться под наблюдением. А для этого я хочу, чтобы они пожили у нас.

– Дома?

– Конечно. У нас пять комнат.

– Предлагаешь запереть их в одной?

– В одной они будут спать, а передвигаться по квартире свободно. Можно оборудовать все помещения камерами наблюдения, что существенно упростит опыт.

– Отец, ты забыл о маме? Оставлять ее одну с уголовниками? А если твой ген не работает? Они могут чёрт-те чего натворить.

– Я думал об этом. Маму мы отправим на курорт. Пусть месяц отдохнет. Этого времени мне хватит.

– У меня к тебе встречное предложение.

– Какое?

Арсений подмигнул отцу:

– Начни с меня.

– С тебя? А ты воруеть?!

– Ну зачем так грубо... Иногда ухожу от налогов, иногда не совсем тактично веду конкурентную борьбу. Если ты активизируешь мой ген честности, банк через месяц разорится, и ты получишь наглядный результат своего открытия.

– И ты готов ради меня на банкротство?

– Отец, ради тебя я готов на все.

Александр Ильич вернулся в кресло и глубоко задумался. Арсений уселся напротив и не без сарказма наблюдал за родителем. Он хорошо знал отца и догадывался, что происходило в его сознании. Наконец Бородин-старший виновато улыбнулся:

– Нет, сынок, тебя мы оставим напоследок.

– Не понял?

– Чтобы закончить работу и внедрить мое изобретение в масштабах страны, понадобятся деньги. Если ты через месяц разоришься, сделать это будет сложно.

Арсений долго смеялся, после чего пожал отцу руку:

– Оказывается, ты далеко не так наивен, как хочешь казаться. И это меня радует. Хорошо, я готов помочь тебе, но для подопытных уголовников мы снимем две квартиры. В одну поселим их, в другую тебя и твоих помощников.

– Зачем для нас вторую?

– Чтобы вы могли наблюдать за поведением бандитов посредством видеокамер и микрофонов. И все это под надежной охраной моих ребят.

– Спасибо, дружок. Я был уверен, что ты мне поможешь.

– Что мне остается.

– Но учти, эти квартира должны находиться поблизости от института.

– Не вопрос. Давай за твое открытие. – И мужчины выпили. Добавив еще порцию виски, Арсений обнял отца за плечи: – Папа, когда ты пугнул меня в коридоре другим банком, ты блефовал?

– Все нет, дружок. Рассуди сам, какой банкир откажется иметь честных сотрудников? В качестве платы, я бы предложил сделать прививку и им. Естественно, после успешного опыта на уголовниках.

Теперь задумался Бородин-младший.

– Знаешь, отец, это неплохая идея.

– Не сомневаюсь, дружок. – И они оба расхохотались.

* * *

Портрет президента над письменным столом, фото на полированной столешнице, запечатлевшее рядом с тобой министра в неофициальной обстановке, плюс кабинет в семьдесят квадратных метров – это уже капитал, и немалый. Кресло в таком кабинете за красивые глаза не получишь. Его добывают годами упрямой службы, врожденным чутьем опытного бюрократа, да еще при определенной доле везения.

Начальник городского ОБЭП генерал Потапов занял свое кресло вполне обоснованно. Но занять мало, надо его еще удержать. Для этого Никита Васильевич решил до осени масштабные проверки кредитных организаций отложить. Кампания по борьбе с коррупцией на первый взгляд требовала активности от его подразделений. Но после кадровых зачисток, инспирированных на самом верху, на рожон лезть не стоило. Никогда не знаешь, где и как вляпаешься в дерьмо. Работать же себе в убыток, дураков нет. Во всяком случае, генерал себя к таковым не относил. Смешно возглавлять ведомство, связанное с проверкой финансовых потоков, и жить на зарплату. Но в критические моменты любое вознаграждение легко может оказаться подставой. И скорей всего автором ее станет кто-нибудь из своих. Многим охота занять кабинет начальника городского ОБЭП. И чихнуть не успеешь, попрут в отставку. И это еще в лучшем случае...

– Чего замолчал? Докладывай, – бросил генерал, стягивая под столом с отекавших ступней штиблеты.

Полковник Лунев сделал паузу неслучайно. Он уже обрисовал генералу результаты оперативной работы своего отдела по одной из государственных корпораций, но реакции начальника пока не дождался. Потапов слушал молча, сопел и никак не реагировал. Составить впечатление при этом, благосклонен он к докладу или нет, Лунев так и не смог.

– В общих чертах я уже все доложил, товарищ генерал.

– Не темни, Петр Иванович. Давай начистоту – первый транш Краснов и его люди распилили, это ясно. Не ясно, кому-то откатили? Вот о чем я бы хотел услышать.

– Вы и сами знаете – Сутягину.

– Мало ли чего я знаю... Краснов – Сутягин, говоришь... А ты понимаешь, чем пахнет, если мы только намекнем об этой связке? Полетим оба. К своему министру с этим я не пойду. Они с Константином Федоровичем вместе футбол гоняют. В Кремль, поверх его головы?

– Никита Васильевич, Сутягин всего замминистра. Самих министров снимают...

Потапов тяжело вздохнул и издал горлом хрюкающий кабаний звук.

– Петруша, это зависит от доступа к телу. Вот, к примеру, ты в курсе, как я могу попасть на доклад к президенту?

– Никак нет, товарищ генерал.

– Не ври, Петро. Все ты знаешь. Мне месяц придется топтать кругами. И еще не факт, что примет. Это как обо мне доложат. А Сутягин в тот же день окажется в загородной резиденции. И ты хошь под него копать? Я нет. Иди и пошевели тыквой. В понедельник обобщишь.

Проводив спину полковника стеклянным взглядом, Потапов поднялся из-за стола, в носках прошагал к кожаному дивану и развалился, задрав ноги на спинку. От усталых ступней приятно отливала кровь, и генерал блаженно засопел.

В дверь заглянул его секретарь, майор Алексеев.

– Никита Васильевич, вам банкир Бородин звонит. Возьмете трубку?

– Спроси, что надо.

– Уже спросил. Просит о встрече.

– Пусть приезжат. Я до конца рабочего дня в кабинете. И больше ни с кем не соединяй. Подремать охота.

Майор кивнул и шагнул за порог. Потапов его остановил:

– Погоди, Саша. Там под столом мои штиблеты. Положь рядом, чтоб я босиком не вскакивал.

Секретарь молча выполнил просьбу и вышел. Генерал тяжело нагнулся, расшнуровал обувь и поставил снова на паркет. В комнате для отдыха он хранил домашние тапочки, но никогда на службе не пользовался. Сам не знал почему. Наверное, стеснялся. Лежа и глядя в потолок, пожалел себя. Весна проходит, а он так на рыбалку и не выбрался. А как сейчас хорошо в лиманах. Там за Астраханью, в глубоких протоках матушки-Волги притаился сазан. Таковую рыбину достанешь, весь год вспоминаешь. Кило на тридцать может потянуть. А ушица под водочку! А воздух... Да и лететь туда час с небольшим. Только свистни. Да как оставишь кресло? Время стремное.

Не заметил, как и уснул.

– Бородин в приемной. – Майор Алексеев склонился над генералом и докладывал как можно тише, чтобы не травмировать спящего.

Потапов мгновенье смотрел на секретаря ошалелым взглядом, затем в глазах генерала появилось нечто осмысленное, и он резко переместил туловище в сидячее положение.

– Вот что... ты сообрази нам кофейку и рюмочки. Да, и что-нибудь закусить. Там, где-то в холодильнике балычок есть. Купавин приносил, когда из Хабаровска явился...

Отдавая распоряжение, он одновременно втискивал ноги в штиблеты. По дороге к столу открыл книжный шкаф и извлек бутылку армянского коньяка. Когда Арсений вошел в кабинет, хозяин уже сидел в кресле, словно от стола не отлучался.

– Привет, банкир. Рад, что не забываешь старика. Присаживайся поближе. Я тут вздремнул немного, сейчас кофейку попьем, и взбодрюсь.

– Здравствуйте, Никита Васильевич. Я вас надолго не отвлеку.

– А я сегодня никуда не спешу. Время такое, лучше выждать, чем дров наломать, сам понимаешь.

– Время непростое, – согласился Арсений: – Я уж грешным делом думал, не застану. Обычно вы в мае сазанов под Астраханью тягаете.

– Не триви душу. С чем прибыл?

– Да, собственно, у меня вопрос не к вам. Хочу протекции.

– Протекции все хотят, – подмигнул Потапов. – Она нынче в цене.

– За ценой не постоим. Важно, чтоб была разумной.

– Это, смотря к кому вы, молодой человек, намылились...

– Мне нужен начальник ФСИН области.

– Куприянов, что ли?

– Он самый.

– Друзей на зоне побаловать решил?

– Что-то вроде того... – Бородин не намеревался открывать генералу истинную причину своего интереса. От Потапова требовалась лишь роль связного. Предшественника Куприянова скандально сняли полгода назад, и рассчитывать на радушие вновь назначенного чиновника к незнакомому банкиру было бы наивно.

Алексеев внес на подносе кофе, тонко нарезанный балык и две рюмки. Потапов тут же наполнил их коньяком:

– Давай за все хорошее.

– За вас, Никита Васильевич.

Мужчины чокнулись. Гость похвалил коньяк и напомнил о своей просьбе.

– Конечно, Арсений, я к тебе с расположением. Внука Петьку по программе своего банка в Англиях обучаешь. Но я тоже, кажется, не в долгу. Проверку по зарплате твоих сотрудников мои люди провели мягко. Черного нала «не нашли». Так что на нынешний день мы квиты.

– Другой бы спорил...

Генерал пожевал пластинку деликатесной рыбы и продолжил мысль:

– Куприянова я знаю. Он с моей подачи тебя приласкает. Чем расплачиваться будешь?

– Могу вашему сыну кредитную линию открыть. Он же у вас по торговой части.

– На досуге помозгуем, – полистав настольную записную книгу, Потапов извлек мобильник: – Что ты хочешь, чтобы я ему наплел?

– Намекните, что я человек благодарный и умею держать язык за зубами.

Генерал кивнул и позвонил руководителю ФСИН. Через пять минут проблема была решена, и Бородин откланялся. Никита Васильевич выпил еще рюмку и приказал подавать машину. Торчать в кабинете ему наскучило.

* * *

Известно, тюрьма не сахар, но раз люди сидят годами, как-то приспособливаться надо. Зеки и приспособливаются, вырабатывают свой этикет, правила хорошего тона, а для развлечения чинят друг другу всевозможные козни. Это непосвященному кажется, что когда уголовники не бьют друг другу морды и не тычут в бок заточки, у них все спокойно. Это не так. В самые затишные и будничные дни что-то постоянно происходит. Каждый вроде сам по себе, но ушки на макушке. Кто с кем говорит, почему один отвернулся от соседа, с которым всегда корешил, все это безумно важно и требует постоянных оценок. Среди зеков плетутся тайные интриги, они пробуют друг друга на прочность, а случается, и меняют авторитетов. Все как на воле, только опаснее и безжалостнее. Оттого и расслабленность снаружи, а внутри напряженная борьба характеров.

В этом смысле камера Степа, назначенного тюремным сходом на должность смотрящего, мало отличалась от других. В тюремных камерах всегда дух тяжелый. Но по сравнению с тем, что витал тут месяц назад, – лафа. Перед приездом высокой комиссии камеру разгрузили. Из сорока семи постояльцев оставили треть. Почти как в культурных странах, только телевизора не поставили. Зато у каждого свои нары. Поначалу зеки простору радовались, потом привыкли. К хорошему человек привыкает быстро. Но в настроении коллектива повышенный градус сохранился.

Вот и сегодня первую половину дня жили без напряжения. Анекдоты травили, ввали каждый о своем. Один Лыкарин, которого коллеги по камере предпочитали величать Лыком, от тюремного начальства вернулся мрачным. На вопрос господина Коркина, по прозвищу Крыса, спросившего Лыка, дали ли тому у начальства бутербродик с икоркой или пиздюлей, угрюмо отвернулся, оставив коллегу без ответа. Лыкарин и раньше говорил мало, а тут за весь остаток дня не проронил ни слова. Даже сам Степ, хоть несколько раз и бросал на него выразительные взгляды, отчета не удостоился. Спросить же напрямую «зачем вызывали» не решился. По тюремному ранжиру они с господином Лыкариным находились на равных, но все же смотрящий есть смотрящий. За ужином Лык тоже помалкивал. Да и принимал пищу как-то вяло. Перед тем как отправить ложку с гречей в рот, долго водил ею по краям миски, как бы остужая блюдо, хотя каша и так сильно горячей не была.

После ужина веселья у него не прибавилось. Настроение Лыкарина постепенно передавалось и сокамерникам, и все пятнадцать джентльменов примолкли. Остаток вечера до отбоя вели себя на редкость тихо. Ни баек, ни карт, ни эротических забав с господином Митрофановым. Для ясности стоит заметить, что указанного господина по кличке Митроня коллеги опустили на прошлой неделе, и их интерес к его прелестям еще не остыл. Соседи Лыкарина

по нарам, господа Водиняпин и Косых, для удобства обращения прозванные Няпой и Косым, даже слегка обиделись. Конечно, Лык им не чета, с самим господином Лимончиком чифрил из одной алюминиевой кружки. Однако он их кореш. Не один срок вместе мотали. Да и первая прописка у всех ростовская. Не зря же Ростов воры зовут Батей. Опять же, ни лажи, ни подлянок между джентльменами никогда не водилось. А корешам Лык, по здешним понятиям, обязан доверять. Но у господ зеков особый этикет, и приставать с вопросами к авторитетному жигану, если тот молчит, запаadlo. Терпение друзей вознаградилось после отбоя. Лыкарин подал знак, и они подсели к нему на лежанку.

– Мужики, базар с Полканом получился мутный, – сообщил он свистящим шепотом: – Я так и не врубился, чего эта сука крутит.

Няпа и Косой уважительно молчали, понимая, что информации для ответных слов пока недостаточно. Лык выдержал паузу и поведал им нечто неожиданное. То, что услышали джентльмены, удивило их не меньше, чем самого рассказчика. Начальник тюрьмы полковник Авдеев предложил Лыкарину месячный ваканс на волю. И не одному. А дозволил взять с собой двоих заключенных, по его, Лыка, усмотрению. Но предложил это начальник тюрьмы небескорыстно – три штуки баксов с каждого. Лыкарин назвал имена корешей, и теперь желал выслушать их мнение.

Косых ждал уточнений:

– И в чем, бля, его интерес? Замочить кого или на рога поставить?

– Мочить не наказывал. Намекнул, что придется одному ученому ффраеру подсобить. Но это так, вроде не главное... В чем сам косяк, я так и не разобрал. Темнит падла. Но до завтра надо решить.

Водиняпин долго исследовал полости носа указательным пальцем, затем изрек:

– А где мы столько капусты возьмем? У меня при себе бабла нет.

– Если порешим, Чобот даст из общака. Но возвращать придется.

Константин Данилович Баньков по кличке Чобот в тюрьме олицетворял главную воровскую власть, и в его возможностях никто из джентльменов не сомневался. Непонятными для троицы друзей оставались мотивы начальника тюрьмы. А что если тут какая-нибудь засада?

– Дело за вами, фартовые, – заключил Лыкарин, явно не желая брать на себя всю ответственность за решение вопроса.

Друзья начали рассуждать – за месяц они уж точно десять штук баксов добудут. Один разок взять на гоп-стоп сберкассу – и долг отдашь, и погудеть хватит. Или офис богатенькой фирмочки ковырнуть. Вариантов много. Да и достойных коллег по цеху, что наколку выдадут, на воле хватает. Косых склонялся к согласию. Водиняпин тоже. Как ни хорош зад Митрони, а бабу не заменит. Все трое джентльменов отличались вполне нормальной сексуальной ориентацией. Это в тюрьме с голодухи сунешь абы куда. А на воле выбор.

– Хули нам месяц? – обратился к корешам господин Косых: – Выйдем, только нас, бля, и видели. Важно с Чоботом рассчитаться – общак дело святое. А начальника мы в гробу при белых тапочках видели.

Резоны Косых показались остальным убедительными. Придя к консенсусу, джентльмены решили предложение Авдеева принимать и расползлись по нарам.

На следующий день, во время прогулки, Чобот сам подманил Лыка. Влиятельный узник уже каким-то образом пребывал в курсе проблемы трех джентльменов, и деньги за их каникулы тюремному начальнику обещал выложить. Но бесплатных услуг и он никому не оказывал. В общак им предстояло вернуть долг с накрутом. Получалось бегом-кругом пятнадцать штук баксов – уже не по три, а по пять тысяч на брата. По поводу дальнейшего побега Чобот высказался философски: «Ваша жопа, вам на нее приключения искать. Главное, должок вернуть».

Полковник Авдеев вызвал Лыкарина к себе после обеда. Получив согласие джентльменов, не скрыл радости. От щедрот душевных налил зеку полстакана водки и выудил из банки

солёный огурчик на закуску. Поскольку начальник тюрьмы раньше к своим пансионерам отеческой заботы не выказывал, Лыкарин смекнул, что их «отпускные» не единственный его гонорар за месяц их вольной жизни. И не ошибся. Столько же Авдееву посулил руководитель Федеральной Службы Наказания господин Куприянов.

Авдеев и без этих денег не бедствовал. На одних харчах для господ заключённых имел свою штуку еженедельно. Это не считая доли за наркоту, доставка которой осуществлялась продавцами тюремной лавки с его молчаливого согласия, и процентов с интимных услуг, что богатенькие узники получали под видом свиданий с близкими. Начальник тюрьмы прекрасно знал, когда под видом жен к ним запускают проституток. Но при всем при этом почти двадцать тысяч долларов, свалившихся как бы с неба, явились для полковника приятным сюрпризом.

Мария Николаевна Бородина впустила домработницу в прихожую и заявила:

– Клава, ты мне пока не нужна. Обед на сегодня у меня есть, а муж в командировке. Приходи в конце недели, пропылесосим вместе квартиру.

Молодку неожиданный отпуск устраивал. Ухажер Клавы на несколько дней вернулся с Кавказа, где служил по контракту, и им было чем заняться.

– Спасибо, Мария Николаевна. Но если я вам понадобится, звоните. Приеду раньше.

Захлопнув за работницей дверь, хозяйка медленно побрела по квартире. Когда у вас пять комнат, огромная столовая, и везде пусто, чувство одиночества возникает само собой. На кухне продолжал работать телевизор. Она специально его не выключала. Голоса на экране некоторым образом связывали дом с остальным миром, делая хозяйку причастной к жизни огромной страны.

«...трехлетнему Леше родители привязали к ногам пудовую гирию и бросили в пруд. Но перед этим они еще долго били ребенка железным ломом по голове. Теперь супруги Макаровы предстанут перед судом. По словам следователя, убийцам малыша грозит большой срок. Если вы стали свидетелем чего-нибудь подобного и записали это на камеру вашего мобильного телефона, присылайте, и мы покажем запись в программе «Криминальный час». Берегите себя».

В другое время Мария Николаевна, услышав в новостях нечто подобное, обязательно бы сомкнула брови, возмущенно воскликнув «какой ужас» или «не представляю, как люди способны на такое». Но сейчас на кошмарные подробности из быта сограждан не обратила внимания. Мысли женщины занимало странное поведение мужа. Все началось пару недель назад, с завтрака, когда Александр Ильич пытался пробить яйцо зубочисткой. О рассеянности супруга ей было известно еще с первых месяцев их совместной жизни, и к подобным казусам она давно привыкла. Насторожило ее в то утро другое. Бородин-старший тщательно выбрился и нарядился в выходной костюм. Тогда она мужу ничего не сказала. Мало ли зачем ему понадобился этот парад? Или начальство ждали в институт с визитом, или день рождения академика Румянчикова. Но и последующие недели Александр Ильич спешил на работу, как на праздник, а ее как будто не замечал. А вчера явился с работы гораздо раньше обычного и за обедом неожиданно попросил собрать ему чемодан с самым необходимым. У Марии Николаевны шевельнулось ревнивое подозрение. «Суркова, – подумала она. «Конечно, Суркова!»

Профессорша однажды видела эту молодую, красивую особу на институтском вечере, куда Александр Ильич пригласил и ее. Мария Николаевна внимательно осмотрела сотрудницу мужа и еще тогда подумала, что их служебное общение небезопасно. Но Катерина выглядела скромницей, а вовсе не вертихвосткой, да и Александр Ильич мужского внимания на молодую женщину не обращал. Зная его неискушенность в бытовых вопросах, Мария Николаевна была уверена, ее благоверный не способен притворяться или лукавить. Будь что-либо между ними, уж она бы заметила. Но с того вечера миновал год. А за год многое может случиться – она не молодеет, а он в свои пятьдесят девять еще огурчик. А теперь этот чемодан... Причину своей просьбы Александр Ильич объяснил – едет в командировку, а на сколько, пока не знает.

И она поверила. Но сегодня за завтраком заметила неладное. Разливая кофе, она случайно перехватила взгляд, которым супруг обменялся с Арсением. Это был взгляд заговорщиков. Мало того, сын еще подмигнул папочке. И уехали отец с сыном вместе – вроде Арсений повез отца на вокзал. Неужели они ее предали?! Предали два самых близких ей человека! Выходит, ее Саша поделился с сыном истинной причиной своей «командировки» и тот проявил мужскую солидарность. Это было отвратительно. Неужели и в их семью вошла ложь и измена?

«...в квартире высокого чиновника при обыске обнаружено десять килограммов золота и несколько миллионов валюты. В Кремле этот арест пока не комментировали... долгий приятный вкус во рту... рекомендация стоматолога номер один в мире».

Женщина смотрела на экран японского телевизора и думала, что предпринять? Нельзя же просто так сидеть сложа руки, когда у тебя уводят мужа! Первое, что ей пришло в голову, – проверить свои подозрения. Она пультом убрала звук и позвонила мужу на работу. Трубку долго не брали. Наконец отозвался мужской голос. Мария Николаевна звонила в институт редко, и голосов сотрудников лаборатории запомнить не могла. К тому же обычно трубку брал сам профессор, поскольку аппарат стоял в его кабинете.

– Позовите Александра Ильича Бородина.

– Профессора нет.

– А с кем я говорю? – сухо поинтересовалась Мария Николаевна.

– С Витей, – сообщили в трубке.

– Каким еще Витей?

– Я лаборант профессора, Виктор Шаньков.

Она тут же вспомнила – муж взял на работу сына их старинных знакомых.

– Ах, Витюша? Как папа? Как Лена?

– Спасибо, тетя Маша, с родителями все в порядке.

– Витюш, есть кто-нибудь, кроме тебя, в лаборатории?

– Никого.

– И Катерины Сурковой?

– Суркова тоже там.

– Где там?

– А вы разве не знаете? Александр Ильич некоторое время пробудет в другом месте. Он снял квартиру.

– Квартиру?

– Да. Вы ему туда позвоните. Запишите номер.

Мария Николаевна бросила трубку и расплакалась. Теперь ей стало все ясно. Муж снял квартиру и сбежал в нее с этой тихоней Сурковой. Обида и злость быстро иссушили слезы. «Если он так поступил, чего с ним деликатничать. Она скажет ему все, что думает. Нечего делать из меня дуру – решил разводиться, так и скажи».

Мария Николаевна еще раз позвонила в лабораторию, и Шаньков продиктовал ей номер. Минут пять женщина сидела неподвижно, набираясь сил. Потом прошла в ванную, умылась и подкрасила губы. О том, что по телефону муж увидит ее лица не сможет, не думала. Она сильная женщина и не доставит ему удовольствия своими слезами.

Дрожащим пальцем прошлась по кнопкам. Ответили сразу. Но голос на другом конце провода мужу не принадлежал.

– С кем я говорю? – спросила она, стараясь не сорваться в истерику.

– Я Н-н-н-Николай Тарутян.

– Позовите, пожалуйста, господина Бородина.

– Профессор отъехал.

– Куда?

– В тю-тю-тюрьму. Это не далеко, тут в области. А кто его с-с-с-спрашивает?

Мария Николаевна растерялась. Что может делать в тюрьме ее неверный супруг? Тарутян повторил вопрос, и она машинально ответила:

– Я его жена.

– Мария Николаевна?! Богатой бу-бу-будете. Я вас не узнал.

– Я вас тоже.

– Ну как же? Я Коля. Помните, еще привозил до-до-документы Александра Ильича, когда он забыл в нашей по-по-поликлинике свой па-па-паспорт и медицинскую страховку?

– Теперь припоминаю. И что вы делаете на съемной квартире? Держите мужу свечку?

– Какую с-с-с-свечку? Мы готовим помещение для опытов. Заканчиваем монтаж оборудования. К приезду профессора д-д-д-должны успеть.

– Что еще за опыты? Вам института мало?

– Мария Николаевна, это се-се-се-кретная информация. Боюсь, мне и так попадет, за то, что я вам сказал. Вы уж меня не выда-да-да-давайте?

– Ладно, Коля, когда Бородин появится, пускай позвонит домой.

– Я передам.

– Спасибо. Вы там один?

– Нет, мы здесь все-се-сей командой, кроме лаборанта. Шаньков остался в институте с-с-с обезьянами.

Мария Николаевна положила трубку и снова разревелась. Теперь уже от радости.

«Господи, какая я дура», – подумала женщина и ощутила странное беспокойство. Не сразу поняла, что оно вызвано тишиной. Посмотрела на экран телевизора и вернула звук.

«...Обвала крыши спортивного комплекса двенадцать человек погибло. Двадцать пять доставлено в больницу. ...семеро в тяжелом состоянии. ...теперь вдвое больше по той же цене. ...жизнь прекрасна, как ни крути».

Тревога ушла. Мария Николаевна отвернулась и перестала вникать в смысл происходящего. Голоса на экране снова звучали звуковым фоном, создавая иллюзию присутствия жизни в доме.

* * *

Заветный день, готовящий научную сенсацию века, начался буднично. Александр Ильич, в сопровождении крепких молодцев из службы безопасности банка, укатил вызволять арестантов, а его помощники остались готовить встречу.

За полторы недели квартира, арендованная Арсением под опыты отца, превратилась в апартаменты нуворишей, или дорогой номер в отеле средней руки. Что в наше время отличить трудно. Но за внешним лоском помещений скрывалась невидимая глазу начинка. Бригадир монтажа потайной техники, вполне интеллигентный очкарик, провел Тарутяна, Суркову и Дружникова экскурсией по всем комнатам и, пожелав им успеха, отбыл на следующий объект. Молодые ученые еще немного потоптались по сияющему лаком паркету, завистливо потрогали дорогую сантехнику и, повздыхав о недостижимости подобного комфорта для собственных скромных персон, вышли на лестничную площадку. Тарутян закрыл за ними стальную дверь, замкнув ее на два заморских замка. Несмотря на дорогой евроремонт, жильё на ближайший месяц становилось комфортабельной тюрьмой, с той лишь разницей, что дверной глазок заменяла техника. Невидимые провода шли в соседнюю квартиру, также арендованную Арсением для проекта отца. Здесь никакого шика не наблюдалось. Все аскетично и весьма функционально. Тесная, маленькая кухонька, совмещенный с душем туалет и узенький коридорчик составляли все ее пространство. Саму жилую комнату технари превратили в аппаратную. Отсюда ученым предстояло днем и ночью подглядывать и подслушивать за всем, что произойдет у соседей. На панели, занявшей целую стену, бригада интеллигентного очкарика устано-

вила записывающую технику, мониторы от камер наблюдения, несколько процессоров. А пять жестких офисных кресел на колесиках составляли ее мебельный ансамбль.

– Располагайтесь, дамы и господа, – широким жестом пригласил коллег Дружников и уселся первым: – Прямо логово Джеймса Бонда. Прекрасная дама уже есть, остается нам с Колей решить, кто из нас Джеймс, а кто Бонд.

– А мне что при этом делать? – не без кокетства поинтересовалась Суркова.

– А тебе, Катя, составлять расписание, в какой день влюбляться в Джеймса, а какой в Бонда.

– А вдруг я влюблюсь в одного из благородных Робин Гудов, что привезет профессор...

Это так романтично...

Тарутян поспешил опустить девушку на грешную землю:

– Не обольщайтесь г-г-госпожа Суркова, патрон привезет обыкновенных бандитов.

– Не забывайте, аспирант, об активизации гена «h». Кто знает, во что превратятся эти обыкновенные бандиты.

Дружников поддержал армянина, позволив себе бестактность:

– Любовь к ним тебе, Катенька, все равно не грозит. Ты уже давно и безнадежно влюблена в патрона. Хотя я не понимаю, как можно полюбить старика!

Тарутян возразил:

– Почему? Наверное, это очень романтично. П-п-представляешь, любовное ложе, на т-т-тумбочке стакан, а в нем вставная челюсть... Некоторых женщин это заводит...

Катя густо покраснела:

– Во-первых, Александр Ильич не старик, а мужчина в расцвете сил. А во-вторых, не вам, юноши, судить о любви людей взрослых. Молоды еще.

Дружников вскипел, но взял себя в руки:

– Юноши мы или нет, но полюбить даму под шестьдесят, у нас, действительно, кишка тонка.

Чтобы избежать развития щекотливой темы, Суркова все перевела в шутку и потребовала:

– Трепачи, технику проверяйте.

Тарутян пультом запустил систему. Один за другим засветились экраны мониторов, послышался громкий мат и «картинка» отобразила двух крепких молодых мужиков. Ученые тут же узнали охранников банка, из тех, что присматривали за ремонтом. Вскоре мужики вспомнили о потайных микрофонах и материться перестали.

В апартаменты они пришли не с пустыми руками. Один нес кейс, другой – пластиковый мешок с одеждой. Камеры одна за другой отслеживали их перемещение. Охранник повыше остановился в холле у небольшого комодика, запустил в кейс огромную лапу, извлек оттуда две пачки долларов и бросил в ящик комода. Второй развешивал по шкафам в спальнях три комплекта одежды для будущих жильцов. Оба сошлись в гостиной и дальше отправились вместе. По ходу их движения в ящиках мебели оставалась валюта, рубли в крупных купюрах, и всяческие дорогие безделушки. Дружников присвистнул:

– Ничего себе подарочки...

– Готовят сы-сы-сыр в мышеловке... – догадался Тарутян.

– Мальчишки, да там целое состояние, – прошептала Суркова: – Зачем столько?

Тарутян подмигнул Николаю:

– Иметь, так к-к-королеву, воровать, так миллион.

Дружников впился в экран глазами:

– Не захочешь, а упрешь. Никакой ген «h» не поможет.

– Мальчишки, я серьезно. Зачем Арсений так рискует? Это же его средства.

– Не в-в-волнуйся, Суркова. На окнах решетки, двери стальные, и эти парни всегда начеку. Так что рискует он не слишком. Зато уголовникам приманка классная.

– Это нам, мальчики, головная боль, смотреть за ними в оба.

– В том и суть опыта.

Покончив с закладкой «приманки», охранники удалились. Экраны мониторов отразили уголки пустынной квартиры, а микрофоны тишину. Но вскоре – «картинка» снова ожила. На сей раз на экранах появился сам профессор. Александр Ильич вихрем пронесся по комнатам, заглянул в ящики, удостоверился, что ремонт завершен, а деньги и ценности разложены, и в том же темпе исчез с экранов. Через секунду возник в аппаратной, уже не изображением, а собственной персоной. И с порога завил:

– Друзья, можете меня поздравить. Все прошло как по маслу. Теперь быстро в институт, времени у нас в обрез. – И двинул из квартиры.

Помощники за ним. Молодые люди не догадывались, что их патрон может перемещаться с такой скоростью. Но Бородин не только неся не чуя ног, но и рассказал им по дороге о ходе операции «доставка» от ворот тюрьмы до института. Охраняли зеков семь парней из служб безопасности банка, но усыпили бандиты себя сами. В микроавтобус, куда их усадили, Бородин заблаговременно припрятал бутылку водки. Уголовники ее довольно быстро нашли, а охранники сделала вид, что их это не касается. Препарат, растворенный в алкоголе, подействовал при подъезде к Москве. Самым трудным оказалось занести бесчувственные тела в грузовой лифт института незаметно. Для этого профессор попросил открыть запасной выход во двор и напелел вахтерам, будто завез тяжелое оборудование.

Уснувших уголовников накрыли чехлами брезента и подняли в лабораторию. По мнению Александра Ильича, снадобье будет действовать еще два с половиной часа. Необходимо срочно провести активизацию гена, пока рецидивисты не проснулись. И они торопились, как торопятся люди к забытому на газу чайнику или за водкой в магазин перед закрытием. Никто из них не думал о пафосе предстоящего. О том, что их открытие способно дать шанс огромной стране двинуть к прогрессу семимильными шагами – без воровства, взяточничества, без холуйского пренебрежения к нравственным ценностям общественного бытия. Все это уже ими сотни раз пережито, передумано и переспорено. После каждого пройденного этапа, опытов на крысах, морских свинках, макаках и, наконец, шимпанзе, их вера в успех становилась все крепче, а фантастический результат все реальнее. И когда близился момент, способный стать венцом многоэтапного труда, они о высоком уже не размышляли. Сейчас для профессора Бородина и его помощников важно было одно – не опоздать.

Александр Ильич не зря просил сына подыскать помещение поближе к работе – дорога до проходной института заняла у них чуть больше семи минут. Еще три минуты до лаборатории.

Виктор Шаньков встретил старших коллег на пороге:

– Слава богу. А то я уже беспокоился. А что если они оклемаются, а вас нет...

– Не волнуйся, Витя, – бросил на ходу профессор и поспешил мыть руки.

Спящие уголовники возлежали на каталках перед «операционной». Возле каждого дежурили по два охранника. Александр Ильич вернулся в белых перчатках и марлевой повязке на лице. Произносить слов ему не понадобилось – помощники прекрасно знали свои обязанности. Еще перед активизацией гена у шимпанзе они сотни раз проделывали эту процедуру на более примитивных животных, доведя процесс до автоматизма. Вадим Дружников подготовил к съемкам видеокамеру. Сегодня место оператора доверять лаборанту профессор остерегся. Суркова уселась у дисплеев. Томограф и энцелограф последнего поколения позволяли видеть мозг и наблюдать его активность. Николай Тарутян настроил приборы, Шаньков разбирался с электродами. Через двадцать минут помощники доложили о полной готовности.

Первым в «операционную» закатили Лыкарина. Шаньков обложил голову Федора Иннокентьевича электромагнитными датчиками. Провода тянулись к приборам, а от них к дисплеям

Катерины. По команде профессора операция началась. В мозг «пациента» поступили электрические импульсы. Оба его полушария проявляли слабую активность, что для состояния усыпленного человека вполне нормально. Суркова напряженно вглядывалась в экран и выглядела растерянной. Ей предстояло отыскать в мозгу Лыкарина ген «h». Катерина этого гена не видела. Бородин запустил лазерную установку и посмотрел в ее сторону:

– Ну?

– Александр Ильич, я ничего не понимаю...

Профессор поднялся, раздраженно отстранил девушку и уселся за прибор сам. Какого же было его удивление, когда и он искомого гена «h» не обнаружил. Место, где тому полагалось находиться, в структуре мозга присутствовало, но самого гена не было. Тут и профессор растерялся. В мозгу примата «h» просматривался вполне отчетливо. Даже у крыс и морских свинок, хоть в зачаточном состоянии, но имелся. В человеческом мозгу Александр Ильич наблюдал его много раз у своих помощников, а тут пустота. Время шло. До пробуждения бандитов оставалось немногим больше двух часов. Помощники застыли в напряженном ожидании. По выражению лица ученого они начали осознавать – патрон в отчаянии.

– Мальчики, у меня идея.

Все повернулись в сторону Сурковой.

– Предлагаю отдать наши.

– Что – наши? – переспросил Дружников.

Катя пояснила.

– Наши гены. Мы же знаем, со временем они у нас восстановятся. Но сейчас дорога каждая минута. Не срывать же опыт?!

– Я на это не пойду, – твердо заявил профессор.

Тарутян поднял руку:

– Я го-го-го-готов.

За ним руки подняли Шаньков, Суркова и Дружников.

– Я не имею права, – продолжал отказываться Александр Ильич, но уже не столь категоричным тоном. Катя присела рядом с шефом:

– Мы с вами три года. Практически без денег, на одном энтузиазме отдавали все силы, веря в ваш талант и вашу гениальную идею. И мы не позволим вам потерпеть неудачу. Всем здесь понятно, второго случая может и не представиться. Вы же не допустите краха наших надежд? – говорила девушка тихо, но с таким убеждением и силой, что ее голос проникал в душу. Серьезность момента передалась остальным. Глаза Александра Ильича повлажнили.

– Катя, как я могу взять на себя такую ответственность?! Мы пока не знаем, восстанавливается у человека этот «h» или нет. Нельзя быть уверенным только на основании опытов над животными... Помните, и у них стопроцентного результата мы не получили. Ген восстановился только у тех мартышек, чей интеллект находился в норме или выше. Даже на шимпанзе мы восстановительного эффекта проверить не успели.

– Если «h» восстанавливается у мартышек со среднестатистическим интеллектом, почему вы сомневаетесь в нас? Или наш интеллект не соответствует норме?

– Соответствует... Но это хоть и бескровное, но все же вмешательство в живую ткань мозга.

– Ерунда. Не страшнее укола дантиста. Нора и Фоня предавались любви уже через пятнадцать минут. Не думаю, чтобы они вели себя подобным образом после сильного болевого шока. Не придумывайте отговорки и не теряйте драгоценного времени.

Бородин взял Катю за руки, поднялся с кресла и поднял ее:

– Хорошо, я согласен. Готовьте пересадочную иглу.

В мозгу Косых ген «h» обнаружить удалось. Он едва пульсировал, но поддавался активизации. У Водянина так же, как и у Лыкарина, гена «h» не оказалось. Тарутян, Шань-

ков и Дружников благородно предложили профессору воспользоваться их мозгом и обойтись без Катерины. И добились своего. Александр Ильич остановился на кандидатурах Тарутяна и Дружникова. Молодые ученые отвечали за свои поступки. Шаньков не подходил по возрасту – был слишком юн.

Вадим Дружников, перед тем как лечь на каталку, передал камеру лаборанту. Александр Ильич перекрестился и взял в руки лазерную иглу. Работа началась.

Через час тридцать пять минут все было закончено. Вадим Дружников и Николай Тарутян чувствовали себя нормально, если не считать, что их сильно клонило в сон. Александр Ильич оставил аспирантов подремать в лаборатории, разрешив им присоединиться к наблюдениям позже. Что молодые люди и сделали.

Охранники из службы безопасности банка спустили обернутых в брезент уголовников тем же грузовым лифтом. Их так же вынесли во двор через запасной выход и погрузили в микроавтобус. Дорога до арендованных апартаментов заняла всего несколько минут. Там бывших зеков охранники раздели догола, обрядили в голубые пижамы с рисунком в мелкий цветочек и уложили в постели. Зрелище получилось сильное. Татуированные конечности пациентов трогательно торчали из-под веселой пижамной ткани. Заботливо накрыв похрапывающих джентльменов одеялами, охрана тихо удалилась. Профессор оставил в холле конверт и вместе с Катериной Сурковой занял наблюдательный пост в соседней квартире.

Теперь предстояло ждать, когда усыпленные бандиты придут в себя и наблюдать за каждым их шагом.

* * *

«Зверское отношение детей к своим престарелым родителям поражает своей жестокостью. Великовозрастный сын несколько месяцев держал престарелую мать на цепи в собачьей будке» – Мария Николаевна, если не считать трансляций о фигурном катании, обычно телевизор внимательно не смотрела. Передачи и сериалы воспринимала вполуха, продолжая заниматься домашними делами. Но тут заинтересовалась и присела в кресло. Передавали очередное журналистское расследование. На экране возникла старушка с забинтованной головой. Репортаж велся из городской больницы. «Перед тем как посадить в будку, отобрал пенсию и бил ногами», – жаловалась несчастная. Из слов репортера выходило, что сын этой пожилой дамы постоянно издевался над матерью, держал в собачьей конуре, отнимал еду и жалкую пенсию. А неделю назад еще и избил до такой степени, что бабушку пришлось поместить в больницу. «... прервемся на короткую рекламу, а после нее расскажем вам, как сестры сбросили престарелую тетюшку с балкона десятого этажа. Не переключайтесь, реклама пройдет быстро».

Мария Николаевна не стала пережидать рекламную паузу, а направилась в свою комнату извлекать летние вещи. На следующей неделе обещали резкое потепление, а она еще к нему не подготовилась.

Звонка мужа она так и не дождалась. Но к восьми вечера домой явился Арсений.

– Ужинать будешь? – спросила она сына.

– Нет, мама. Я только что из ресторана. Так сказать, деловой обед плавно перетек в ужин, – ответил «мальчик», прямоком направляясь в кабинет. Она преградила ему дорогу.

– Ты ничего не хочешь мне сказать?

– А что бы ты хотела услышать?

– И он еще спрашивает?! Его отец таскается по тюрьмам, живет в съемных квартирах, наврав, что едет в командировку, а сын его покрывает.

– Ты уже все знаешь. Так зачем спрашиваешь?

– Я ничего не знаю. Я у вас, как несмышленный придаток. А я, между прочим, человек и имею кандидатскую степень филолога. Поэтому имею право на уважение близких.

– Другой бы спорил...

– А ты не перебивай мать. Да, имею, хотя бы за то, что ради вас отказалась от собственной карьеры.

Арсений взял маму под руку, привел в гостиную, усадил в кресло и уселся напротив. Родители – то неизбежное зло, с которым детям не только приходится мириться, но которое еще и положено любить. Среди простого люда это положение часто не соблюдается, и ненависти там не скрывают. В интеллигентных семьях принято с родителями считаться. А если сыновья или дочерняя нежность возникает искренне, то уже в зрелом возрасте, если старикам удалось до этого момента дожить. Арсений в свои годы ценность родительского присутствия осознал и раздражение старался подавлять в зачатке.

– Прости, мама. У меня сегодня тяжелый день, и я хотел немного отдохнуть.

– У тебя каждый день тяжелый. Других не помню. Будь добр, поделись с матерью, что там у вас с отцом за тайны?

– От тебя тайн нет. Не хотели волновать, вот и не стали слишком подробно описывать ситуацию. Квартиру отцу снял я. Ему нужно проделать несколько экспериментов над людьми, а разрешительных санкций ждать долго. Вот я и помогаю ему это сделать без лишнего шума.

– И этих людей он привез из тюрьмы? Я правильно понимаю?

– Примерно так.

– Ты хочешь сказать, что твой отец ставит опыты над преступниками?

– В некотором роде.

– Ты в своем уме?! Они его убьют.

– Мама, чтобы не выслушивать твоих возмущенных сентенций, отец и не стал тебе ничего рассказывать. И я его понимаю. Научись воспринимать жизнь без паники. Истериками ничего не изменишь.

– Мне уже поздно учиться. Я знаю одно – стоять у ваших гробов не смогу.

– Подожди нас хоронить. У нас с папой все только начинается, – и Арсений грустно улыбнулся.

– Какой же ты еще ребенок, – вздохнула Мария Николаевна: – Теперь такая страшная жизнь, а ты этого не понимаешь!

– Чем она такая уж страшная, особенно у тебя? Вот когда вы меня растили в коммуналке, жизнь была действительно страшная. – Арсений подошел к бару, плеснул себе в стакан немного виски и вернулся в кресло: – Может, тебе тоже чего-нибудь налить?

– Ты же знаешь – от алкоголя у меня поднимается давление. Вот ты вспомнил нашу коммуналку. А мне здесь в этих хоромах гораздо страшнее.

– Не понял?

– Там я была с людьми, а здесь с телевизором.

– Тебе плохо в новой квартире? Я же для тебя старался.

– Спасибо, сынок, я благодарна. – Она вспомнила о старушке, которую сын держал в собачьей конуре. – Множество матерей живут куда хуже. Но подумай сам – ты весь в работе, отец весь в работе. Вы даже дома отгорожены от меня свинцовой стеной. У меня своих интересов давно нет – живу вашими. А вы скрытничаете. Вот и подумай, каково матери в этой золоченой клетке одной?

– Почему одной? Ты же с Клавой.

– Сынок, она молодая женщина. Со мной если и общается, то из вежливости – я же плачу ей деньги. А на уме у нее любимый Гриша. Ее дружок на Кавказе. Она каждую минуту трясется, жив он или уже убили. Всю посуду мне извела. Задумается – и тарелка из рук.

– Вот откуда у тебя в голове все эти ужасы? Надо сменить домработницу.

– Не смей. Клава меня устраивает. Она хоть не ворует.

– Совсем?

– Во всяком случае, много. Возможно, обсчитывает меня на покупках. Но это мелочи. Я не проверяю счета. Зачем унижать человека недоверием.

Арсений ухмыльнулся:

– Если опыты отца закончатся успешно, мы твою Клаву ему покажем.

– Это еще зачем?

– Так, для профилактики. Ладно, мама, я пойду немного отдохну. А на следующей неделе мы сходим в театр.

– Вдвоем?

– Да. Отец еще будет занят. И не волнуйся за него. Я приставил к нему серьезную охрану. Она заметила, что он так и не выпил свое виски – ушел и унес с собой.

«...бизнесмена застрелили прямо в его кабинете. У предпринимателя остался шестилетний сын и молодая жена ... снова бизнес связан с минеральными удобрениями. Возникает вопрос – совпадение это или очередной передел собственности... прекрасный салон, автоматическая коробка передач, всего за семьсот пятьдесят тысяч рублей... управляй мечтой».

В квартире продолжал работать телевизор, и она вспомнила, что пропустила начало трансляции «Ледникового периода». Его повторяли по Первому каналу, и она не переключила программу. Фигурное катание профессорша любила с юности. В школе сама занималась в секции при Доме пионеров, но в институте на спорт не осталось времени.

* * *

Лыкарин проснулся в раю. О загробной жизни он размышлял редко. С детства в памяти сохранились некоторые образы, навеянные рассказами старших и сусальными открытками. От бабки Матрены мальчик Федя слышал, будто в раю растут райские яблочки и щебечут птахи, а в аду черти жарят грешников на сковородах. Позже, уже в неволе, к птахам и райским яблочкам в своих фантазиях добавил услуги бесплатных проституток. Представлял, лежа на нарах, как в тени райских пущ ангелоподобные девы отдавались ему по первому требованию. Эротические грезы рецидивист использовал практически – они помогали пережить вынужденное воздержание. Но о самом рае как о награде за безгрешный земной путь Лыкарин не раздумывал. Себя к числу будущих небожителей он не причислял и ждать благодного конца не собирался. Предпочитал получать райские блага на земле, расплачиваясь за них шальным налом, добытым отнюдь не праведно. Следовательно, перспектива оказаться в преисподней представлялась ему куда более реальной. Но и ад его не страшил. После трех отсидок опытный зек не сомневался – с чертями он сумеет договориться ничуть не хуже, чем с лагерным начальством.

Способность русского человека переносить тяготы быта часто не поддается осмыслению. Миллионы соотечественников до сих пор ютятся в бараках не только без горячей воды, но даже без водопровода. А туалеты на улице в виде дощатого курятника, продуваемого со всех сторон ветрами, с протекающими дырявыми крышами и зловонным очком – вполне заурядная деталь российского провинциального комфорта. А если учесть наш суровый климат с сорокоградусными морозами, то подобное существование вполне можно приравнять к адовым мукам. Причем в таких условиях обитают не маргиналы, а граждане, отдавшие родине годы самоотверженного труда.

Это удивительное терпение трудно объяснить какими-то конкретными словами, кроме одного таинственного «менталитет». В этом емком понятии органично уживаются беспробудное пьянство, злоба к тем, кто пытается хоть немного улучшить свое существование, и вытекающая отсюда ненависть к буржуазии. Но, с другой стороны, этот же менталитет позволяет выжить там, где человеку, им не обладающему, тут же наступят кранты. Это относится и к местам лишения свободы, где не один год отбывал наказание Федор Иннокентьевич Лыкарин и его друзья-рецидивисты, волею случая востребованные наукой.

Все трое, усыпленные водкой в микроавтобусе, после пробуждения обнаружили себя не в камере с запахом параши и потных тел, а в великолепных апартаментах. Если уголовники и видели в жизни нечто подобное, то только в связи со своей профессиональной деятельностью, на короткие мгновения, отпущенные им фортуной для грабежа.

Голубые пижамы в мелкий цветочек, хрустящее крахмальное белье, тишина и свежий воздух – контраст с тесной камерой запредельный. Надо обладать весьма устойчивой психикой, чтобы сохранить рассудок и спокойствие.

Покинув опочивальни, Лыкарин, Косых и Водиняпин, не сговариваясь, сошлись в гостиной. Обрушив друг на друга поток грязных ругательств, джентльмены пытались понять, что с ними произошло и как они здесь оказались. Вспомнить смогли лишь момент распития бутылки водки в салоне микроавтобуса. Но как эта бутылка свалила троих здоровых мужиков, так и не сообразили.

Закончив обмен мнениями, Лыкарин внимательно оглядел решетки на окнах, после чего предложил друзьям изучить хоромы. По пути в столовую джентльмены осмотрели огромный холл, два туалета и ванну-джакузи, в которую втроем и помочились. На обеденном столе их дождался конверт, адресованный Федору Иннокентьевичу Лыкарину. Водиняпин заметил конверт первым, но не понял, кто такой Федор Иннокентьевич, поскольку привык при обращении к корешу использовать кличку:

– Лык, смотри, тут малява какому-то Федору Лыкарину.

Адресат покрутил конверт в руках и после недолгих размышлений воскликнул:

– Сукой буду, мне! – Он осторожно извлек из конверта листок с текстом и зачитал вслух: «Уважаемый Федор Иннокентьевич, простите за вынужденное ограничение свободы для вас и ваших друзей. До некоторых пор парадная дверь квартиры останется запертой. В вашем распоряжении холодильник с продуктами, телевизор и все имеющиеся удобства. Захотите переодеться – ваши новые вещи у каждого в спальне. Детали наших отношений при личной встрече. Отдыхайте и чувствуйте себя, как дома». Внизу послания стояла подпись «Профессор А. И. Бородин».

Закончив чтение, Лыкарин передал листок Косых, который еще раз просмотрел текст и, в свою очередь, предложил его вниманию Водиняпина. Когда все три джентльмена ознакомились с посланием профессора подробно, они решили, не мешкая, проверить его правдивость. Особенно в той его части, что касалась содержимого холодильника.

Поначалу друзья испытали некоторое разочарование – крепче пива алкоголя в нем не хранилось, зато все полки оказались забиты продуктами – сыры, колбасы, копчености. Все свежее, в ярких запечатанных упаковках. Лыкарин первым сменил гнев на милость. Сверкнув золотом коронки, он скривился в улыбку и вытянул сразу пять банок пива. Косых и Водиняпин последовали его примеру. Утолив жажду, друзья начали вываливать на стол закуски и тут же набросились на них. Ели молча. После тюремного меню разнообразные деликатесы мутили сознание, и друзья заглатывали их не от чувства голода, а от инстинктивного желания набить брюхо впрок. Первым отвалился от стола Лыкарин. Громко рыгнув, он оглядел пространство столовой, еще не сообразив, чего ищет. А искал он табак.

– Мужики, курева нигде не видели?

Косых отрицательно мотнул головой, и тут же сам понял – пришло время затынуться. То же почувствовал и Водиняпин.

– Не может быть, чтобы на такой хазе не найти ни одной пачки махры?! Где-нибудь да завалилась. – Недолго думая, Водиняпин выдвинул ящик буфета, и челюсть у него отвисла:

– Братаны, зелень!

Косых и Лыкарин заглянули в ящик и замерли. Две пачки долларов в банковской упаковке тянули тысяч на двадцать.

– Бля, да тут хватит с Чоботом расчитаться, и самим погулять, – прикинул Лыкарин и потянул руку к валюте. Но неожиданно, даже для себя, вместо того чтобы схватить пачки, задвинул ящик обратно.

– Ты чего, Лык? – возмутился Косых.

– Не наши, хули vareжку разевать?

Косых, оставаясь в изумлении, вспомнил о близких отношениях с мамой друга, но закончил мысль вполне цензурным вопросом:

– Ты, Лык, случайно, не того?

Поскольку Лыкарин не отвечал, в разговор вступил Водиняпин:

– Лык, не упускай форта. Берем капусту, колупнем решетки на окнах, и привет профессору. Девки, водяра, кураж. Мы же вроде на воле, а воли не видали!

Но и этот довод на Лыкарина не подействовал.

– Мужики, хватит базарить. Вам надо – берите. А я не могу.

Водиняпин тут же выдвинул ящик, но денег и он не взял. То же произошло и с Косых. Джентльмены ошалело взирали друг на друга.

– Мы, бля, воры или кастраты монастырские? – воззвал к профессиональной чести коллег Водиняпин.

– Мужики, но это ведь не наши бабки? – резонно возразил Лыкарин: – Вы чего? Пришли, пожрали и физданули? Нет, так нельзя.

Косых неожиданно заплакал:

– Братва, у нас крыша едет?

Водиняпин рванул на себе пижаму:

– Блядь, этот фраер ученый, специально сюда зелень наложил, чтоб мы в осадок выпали?! Да его, падлу, надо на рога ставить!

Федор Иннокентьевич оставался спокоен:

– Послушайте, братаны, давайте не будем зря кипешить. Есть у мужика бабло, вот и держит в буфете. Хули на него бочку катить? Он нас с кичи снял, на свою хазу пустил. Придет побазарить, скажем, неправ.

– С чего ты взял, что он придет? А что если сюда лягаши нагрянут, и нас опять в обезьянник?

Лыкарин поднял записку профессора и потряс ею перед друзьями:

– Маляву изучили? Он же черным по белому рисует «до личной встречи». Лучше пошли, прикид примерим, а то мы как придурки, в цветочек. Заодно поглядим, что за сменку профессор нам приготовил. – И не дожидаясь друзей, вернулся к себе в спальню.

В шкафу висел прекрасный светло-серый костюм, а внизу под ним красовались великолепные новые штiblеты. Белоснежная сорочка и галстук висели рядом с костюмом. Лыкарин снял костюм с плечиков и почувствовал, что в карманах пиджака что-то есть. Запустил руку и достал из одного пачку сигарет «Мальборо» и зажигалку, из другого – бумажник. В нем оказались пять тысяч рублей, десятью купюрами, по пять сотен каждая. В отдельном карманчике хранились визитки. Владелец обновки вынул одну и с удивлением прочитал:

«Федор Иннокентьевич Лыкарин. Сотрудник Института экспериментальной генетики. Руководитель группы испытателей».

* * *

Сон аспирантов оказался долгим. Они проспали в лаборатории почти сутки и проснулись от телефонного звонка. Дружников открыл глаза первым, но с места не сдвинулся. Он слышал, как лаборант Шаньков снял трубку и тихо сказал: «Не волнуйтесь, Александр Ильич, они в порядке – дышат ровно, пульс хороший. Фоню и Нору я покормил. Дождусь, когда мужики

проснутся, и пойду домой. А как у вас?» Потом помолчал и уже совсем другим тоном воскликнул: «Поздравляю! И Кате передайте, что я от вас торчу!» Положив трубку, заглянул в кабинет и на цыпочках подошел к спящим.

– Не крадитесь, юноша, я уже с вами.

– Я тоже н-н-не сплю, – подал голос Тарутян. Лаборант подпрыгнул на месте, прошелся на руках и крутанул сальто:

– Друзья, товарищи, ура!

– Сбесился? Башку разобьешь. Тут тебе не спортзал, а Институт экспериментальной генетики, – напомнил юноше Дружников.

Но Шанькова его слова не остановили. Он еще раз подпрыгнул и заорал:

– Уголовники денег не тронули! Вы понимаете?! Уголовники денег не тронули! Ура! –

Потом как-то сразу успокоился и присел рядом с аспирантами: – Мне так жалко, что сам всего этого не видел...

Тарутян широко зевнул:

– Мне тоже.

За стенкой послышался грохот и гортанные возгласы шимпанзе. Дружников кивнул в их сторону:

– Ты, Шаньков, животных взбаламутил. Теперь всю мебель переломают. Иди, успокаивай.

– Сами успокоятся. Я их покормил и больше видеть не хочу. Надоели.

– Фоня и Н-н-нора кого хочешь достанут, – сонно согласился Тарутян, но в его толосе лаборант сочувствия не услышал.

– Вам-то чего говорить? Вы пока съемные апартаменты готовили, я, как проклятый, один с обезьянами. Свою девчонку трахнуть некогда.

Дружников потянулся и встал с диванчика:

– Иди и трахай. Кто тебе не дает?

– Не получится. У мамы рождение. Придется торчать с родственниками за столом. Господи, и как им не надоедает жрать и трепать всякую чушь часами. У меня уже жопа отваливается, а они все сидят. Хорошо хоть метро ночью закрывают, а то бы до утра сидели...

– У каждого своя головная боль, – философски заметил Дружников: – Ты бы нам чайку с Колей вскипятил. Мы как-никак после операции...

– Голова болит?

– Не знаю, как у Коли, а у меня ничего не болит, только в горле пересохло.

– У м-м-меня тоже, – жалобно отозвался Тарутян.

Шаньков бегом отправился включать кипятильник. Даже чашки помыл. Домой лаборант не рвался. Перспектива провести вечер с родней его и вправду не радовала. Что касается любимой девушки, тут Витюша немного приврал. Пользуясь отсутствием коллег и начальства, ушлый лаборант не единожды за последние две недели приводил даму сердца в лабораторию и в промежутках между кормлением шимпанзе предавался с ней любовным утехам. Сегодня же, в такой торжественный момент, вместо того чтобы устроить настоящий праздник по случаю успешного начала эксперимента над уголовниками здесь, в лаборатории, тащиться на семейные посиделки с тетками, троюродными сестрами и прочей родней, ему было особенно обидно. Но рабочий день заканчивался и, напоив аспирантов чаем, он все же из института отвалил.

Оставшись вдвоем, аспиранты тут же перебрались в профессорский кабинет. Кресла в нем были помягче и воздух посвежее. Аромат от семьи приматов до начальственного кабинета не дотягивал.

– Смотри, Коля, наш Ильич свой пиджак тут забыл.

– Т-т-торопился очень. – Тарутян запустил руку во внутренний карман шефа и извлек бумажник: – Гляди, Коля, доктор Бородин в своем репертуаре. Деньги, документы – бери, не хочу.

– Денег-то много?

– Откуда я з-з-знаю...

– А ты посмотри.

Тарутян выложил бумажник на письменный стол, раскрыл его и заглянул в карманчики.

– Ну?

– Кажется, т-т-тысяч семь.

– Давай тыщонку на пиво конфискуем?

– А если хватится, тогда к-к-как?

– Да он ни хрена не помнит. Деньжата-то ему сынок выдает. Сколько попросит, столько и получит. А нам просить не у кого.

Тарутян аккуратно выудил из карманчика тысячную купюру и вернул бумажник на место. Дружников взял Тарутяна под руку и повел к двери:

– Теперь пойдем, отметим первый честный день господ уголовников.

– Имеем право. Их честность – наша з-з-з-заслуга. Свой ген «h» для них не пожалели.

В конце улицы работала круглосуточная пивная «Артем». Аспиранты уселись за столик у окна и заказали триста граммов водочки и две порции селедки с вареным картофелем. После первой рюмки Тарутян спросил:

– Ты хоть чувствуешь его от-т-т-сутствие?

– Чье отсутствие?

– Этого «h».

– Естественно, чувствую. Видишь, пью водку. А то бы сосал лапу. Кстати, как и ты.

– Без н-н-него, в натуре, жить легче.

– Естественно. Нам раньше на бананы для обезьян Катька выдавала по десять тысяч, и мы, идиоты, на все покупали. Теперь бы я штуки три точно себе отложил. Хрен с ними, с обезьянами, не сдохнут. Ну давай за уголовный элемент.

Аспиранты чокнулись и подмигнули друг другу. Жизнь становилась легче, жить становилось веселей.

* * *

Прошло две недели. Опыт с уголовниками продолжался, но условия их содержания изменились. Стало ясно – бывшие рецидивисты денег и золота в арендованных апартаментах не тронут, и им разрешили выходить на улицу. Троица посещала кинотеатры, прогуливалась по городу, заглядывая и в кафе. Но до свинства друзья не напивались, возвращались засветло и вечера проводили дома. Несмотря на полное обеспечение и волю, настроение их день ото дня ухудшалось. Причин депрессии подопытных джентльменов профессор понять не мог. То ли тертые зеки догадались, что их прослушивают, то ли по другим причинам, но откровенных бесед под глазками скрытых камер и микрофонами не вели. Перебрасывались впечатлениями от прогулок, смотрели телевизор и резались в карты. Но для Бородина и его помощников главным оставалась их честность. На улице за уголовниками «присматривали» сотрудники безопасности банка Арсения, а в арендованной квартире сами ученые. Дежурства в аппаратной велись посменно, даже в то время, когда «квартиранты» отсутствовали. Александр Ильич, ранее в категоричной форме отвергавший мобильную связь, по настоянию сына трубку завел и довольно быстро освоил. Новый атрибут позволял помощникам держать с ним постоянный контакт. Сегодня профессор ночевал дома, а в аппаратной дежурили аспиранты. Без Сурковой,

которая отпросилась на двое суток, Александр Ильич проявлял повышенное беспокойство и первый звонок выдал в восемь утра.

– У нас по-по-полный порядок, – доложил Тарутян: – З-з-зеки еще с-с-спят. Мы пьем чай.

Успокоенный профессор поблагодарил помощников и отключился. Тарутян и Дружников провели ночь в аппаратной, но им предстояло дежурить еще целый день до восьми вечера. При этом оба молодых ученых чувствовали себя отдохнувшими, и оставшиеся двенадцать часов бдений их не пугали. В офисных креслах не выспишься, но Суркова притащила из дома раскладушку, и они дрыхли по очереди. Помощники догадывались – девушка пеклась о патроне и раскладушку в первую очередь везла для него. Особое отношение аспирантки к профессору ни для кого из них не являлась тайной. Но ее обожание не выливалось в служебный роман, а существовало в форме милой заботы о рассеянном и чудаковатом ученом. Да и парням перепало, как в случае с раскладной лежанкой.

Дружников допил чай, дожевал бутерброд с сыром и раскрыл журнал, где дежурившие ученые делали пометки:

– Вчера Лыкарина назвали Лыком тридцать пять раз. Сергея Косых – Косым пятьдесят три раза, а Водиняпина – Няпой двадцать девять. Это ты, Коля, записал?

– Я... Профессор просил отследить их речь. В последнее время они стали друг д-д-друга именами тоже называть. Это уже сдвиг.

– Дальше с матом. Читаю – «Твою мать» употребили всего двадцать пять раз, сочетание из трех букв упомянули всего семнадцать. О продажной женщине на букву «б» вспомнили всего одиннадцать раз.

– И это за весь д-д-день?

– Да...

– Наши ученые м-м-матерятся чаще.

Из микрофонов донесся характерный звук слива бачка ватерклозета. Дружников отбросил журнал в сторону:

– Слышишь, Колька, проснулись, – и, вскочив с табуретки, одним прыжком сиганул из кухни в рабочее кресло. Колесики, вмонтированные в ножки мебели, позволяли ему раскатываться вдоль панели, перемещаясь от экрана к экрану. По ходу движения аспирант делился удивленным тоном комментатора на спортивном ристалище.

– Лык писает. Заметь, не в ванную, а в унитаз. Косой почистил зубы. Колька, какой прогресс! А Няпа! Посмотри на Няпу! Примеряет галстук! Это с его-то рожей?! Я торчу... Наши братки уже при параде. Не иначе, намылились куда-то.

Странную торопливость уголовников отметил и Тарутян, успевший занять соседнее кресло.

Наскоро ополоснув физиономии, подопытные джентльмены нарядились в свои новые костюмы и исчезли с экранов.

– Надо звонить патрону. Что-то сегодня они больно рано...

– Не т-т-т-рогай профессора. Если что, ему позвонят без тебя. Лучше за-пи-пи-пиши в журнал, что они опять не тронули ни денег, ни золота.

– Уже записал...

– П-п-п-послушай, а ты знаешь, сколько там ба-ба-бабок? Мы же ни р-р-р-разу не считали.

– Пошли, посчитаем.

– П-п-пошли...

– А если они вернуться?

– Ну и что? М-м-мы не чужие. Имеем право.

Дубликат ключей от апартаментов у молодых ученых имелся, стоило лишь выйти из одной двери и войти в другую. Обитель джентльменов они посещали две недели назад, прини-

мая работу ремонтников. После в ней бывал только профессор, и то несколько раз. В прихожей Тарутян повел носом:

– Чувствуешь з-з-з-запашок?

– Есть немножко, – согласился Дружников, ощутив смешанный запах табака с другим, специфическим духом тюремного общежития.

– Зеками п-п-пахнет. Странно, они вроде ходят в душ и вполне цивилизованно по-пользуются туалетом.

– Последние три дня. А до этого путали унитаз с джакузи...

Наблюдая за подопытными в самых интимных проявлениях их быта, ученые не могли не заметить разительных изменений в их поведении. Это касалось не только культуры гигиены, но и общения между собой. С каждым днем они все реже пользовались жаргонными словечками, реже ругались матом и даже называли друг друга по имени. Александр Ильич отметил это первым. В конце опытов он намеревался тщательно обследовать мозг каждого, чтобы понять, чем вызваны такие перемены.

В холле молодые ученые остановились возле небольшого комода. Дружников выдвинул ящик. В нем лежали две пачки долларов. Тарутян пересчитал купюры. В каждой оказалось по десять тысяч. Вернув валюту на место, они перешли в столовую. В буфете обнаружили еще три пачки долларов и пять пачек рублей. Деньги были запечатаны.

– Придется ра-ра-раскрывать.

– Зачем? Тут же написано – по сто тысяч.

– Уверен, что п-п-по сто?

– Конечно. Прикинь на глаз – купюры по пять тысяч каждая. Так и будет. И потом, это же в банке кассиры пишут...

В другом ящике буфета хранились две коробочки с ювелирными украшениями. Дружников высыпал содержимое одной коробочки на ладонь:

– В цацках я не разбираюсь. Но весят они граммов сто, не меньше...

– Цену з-з-з-золота можно посмотреть в Интернете. Она теперь бы-бы-бы-стро растет.

– Тут еще и камни? Ты в них что-нибудь сечешь?

– У меня дя-дя-дя ювелир. Тоже Та-та-та-рутян. Он знает...

– В Ереване?

– Почему в Ереване? Он д-д-д-давно в Москве.

– Колька, только представь, сколько лет нам надо работать, чтобы нажать такое?

– Лет д-д-д-двести... Ладно, хватит с-с-слюни пускать. Пошли отсюда.

– погоди, давай поглядим, что у них там с запасами? – Дружников открыл холодильник.

Верхняя полка едва вмещала банки с пивом. Друзья переглянулись.

– Позаимствуем немного. Нам тут до вечера торчать, а зеки не обеднеют.

Набив карманы, прихватив в руки, сколько вмещалось, молодые ученые вернулись в аппаратную. По первой банке вытянули молча. Откупорив вторую, Дружников спросил:

– Коля, у тебя заграничный паспорт в порядке?

Тарутян пристально посмотрел ему в глаза:

– У меня в по-по-рядке. А у тебя?

– Весной менял.

– Тогда давай еще по ба-ба-баночке за наш эксперимент.

Друзья откупорили пиво и, чокнувшись, выпили до дна.

* * *

Арсений изменил привычке – после завтрака не поехал в банк, а пригласил отца к себе в кабинет и усадил в кресло:

- Папа, поздравляю с успехом.
 - Сынок, поздравлять рано. Опыты необходимо продолжить до конца месяца.
 - Продолжай, но пора начинать следующий этап. Это большая канитель, нельзя терять времени.
 - Я не против, но надо как-то уладить вопрос с подопытными. Не возвращать же мужиков в тюрьму?
 - Это не самая трудная проблема. Есть посложнее. Скажи, как ты собираешься внедрять свое изобретение в жизнь?
 - Массовой активизацией гена у населения.
 - Какова технология?
 - Придется обучить врачей и развернуть специальные центры по всей стране.
 - Технически это реально?
 - Реально, но требует огромных затрат.
 - Оставим пока тему финансирования. Я хочу понять весь механизм твоей идеи. Ты планируешь заставить людей пройти активизацию принудительно?
 - Почему принудительно?
 - А как?
 - Пока не знаю.
 - А ты подумай. Представь, российскому обывателю сообщили – ты жулик и вор, но мы тебе поможем – привьем честность. Попробуй смоделировать его реакцию?
- Александр Ильич задумался, но ответа не находил.
- Арсений усмехнулся:
- Не можешь? А я могу. Он пошлет тебя на известные три буквы.
 - Возможно, ты и прав. Значит, принудительно. Начать с чиновников – желаешь занять кресло, пройди активизацию гена «h».
- Арсений похлопал отца по плечу:
- В стране жуликов честный чиновник?! Не завидую его участи. Его или укокошат, или усадят в психушку.
 - Что же делать?
 - Есть только один путь – массовая, обязательная для всего населения, прививка. Но с такой инициативой к народу может обратиться только президент страны.
 - Давай напишем президенту.
- Арсений посмотрел на отца с грустью. Он ощущал себя не сыном мудрого ученого, а отцом подростка, которому пора рассказать, что детей не находят в капусте. И о том, что аисты к процессу деторождения отношения не имеет. Рассказать доходчиво, но при этом не травмируя психику «ребенка». Арсений любил отца, понимал, что тот живет совсем в другом мире и там преуспел куда больше других. Понимал он и значение работы Бородина-ученого, потому и пошел на серьезные расходы, чтобы папашу поддержать. Но в отличие от Александра Ильича, молодой банкир представлял все трудности, с которыми родителю предстоит столкнуться.
- Арс, чего молчишь? Растолкуй старому дураку, почему нельзя обратиться к президенту?
 - Папа, ты ничего не понимаешь. Корреспонденцию к главе государства просматривают десятки людей из его окружения. Они и решают, показывать ему твое послание или нет. И как, ты думаешь, они поступят?
 - Надеюсь, поймут серьезность моего открытия...
 - Ты неисправимый идеалист. Им же тоже придется активизировать свой ген. А у них другие планы. Доступ к телу президента – один из самых прибыльных видов бизнеса. А они этот доступ получили и постараются использовать на полную катушку. Поэтому, скорее всего,

они поставят на тебе клеймо сумасшедшего, и сдадут твое послание в архив с соответствующим грифом.

– Я же не стану посылать депешу от своего имени. Пошлет институт на официальном бланке.

– Отец, о чем ты говоришь? Свои опыты над людьми ты проводил в обход всех существующих правил. Кто подпишет такое письмо? Твой академик?

– Нет, Румянчиков этого делать не будет. Он жуткий перестраховщик.

– Вот видишь, план изначально провален.

– Вижу. Но есть же выход? Ты у меня современный, вполне успешный малый. Помогай.

– Я и помогаю. – Арсений посмотрел на часы: – Он уже должен быть...

– Кто?

– Кирилл Антонович Паскунов. Тебе эта фамилия ничего не говорит?

Александр Ильич задумался:

– Паскунов? Он ученый?

– Нет, папа, Владимир Антонович Паскунов – сенатор. Он возглавляет комиссию гуманитарных программ в Верхней Палате. А Кирилл Антонович его родной брат. И мы его ждем. Поэтому я сегодня опаздываю на работу.

– Спасибо, сынок, что ты ради меня нарушил распорядок. Но чем поможет нам брат? Проще было обратиться прямо к сенатору.

– Отец, Владимира Антоновича я лично не знаю, а его брат клиент моего банка. Подозреваю, что именно на его счету лежат деньги сенатора. С Кириллом я могу говорить напрямую. А уж он со своим кровным родственником легко найдет общий язык.

В кабинет заглянула Мария Николаевна:

– Мужчины, к вам гость.

Арсений быстро поднялся и вышел в коридор. Вернулся с полным лысоватым мужчиной неопределенного возраста.

– Знакомься, папа, это Кирилл Паскунов, простой русский миллионер.

– Очень приятно, Александр Бородин, простой русский ученый. – Мужчины пожали друг другу руки.

Для миллионера посетитель одевался более чем скромно – широкие брюки, трикотажная рубашка, мешковатый жилет с множеством карманов. Арсений указал гостю на кресло:

– Чай, кофе, виски?

– Если можно, ничего. Подкрепиться я уже успел, а нагружать организм всякой дрянью уже не по возрасту. – И Кирилл Антонович застенчиво улыбнулся. Намечавшийся животик пояснял отказ гостя от угощения.

Арсений не настаивал:

– Тогда к делу.

– Не возражаю. – Кирилл Антонович достал из внутреннего кармана жилета мобильную трубку, отключил ее и выложил перед собой на стол.

То же проделал Арсений и кивнул в сторону папаши:

– Мой отец, профессор генетик, на пороге серьезного открытия...

Бородин-младший лаконично изложил суть работы Бородина старшего. Изложил сухо, не выказывая эмоций, словно речь шла не о мировой сенсации, а о заурядном бытовом вопросе. Кирилл Антонович слушал, склонив плешивую голову на бок, ни разу не перебив рассказчика. По выражению его лица трудно было определить, понимает ли он, о чем идет речь, или дремлет. Но брат сенатора не дремал. И когда Арсений перешел к заключительной части, поднял голову. А после слов банкира – «научный этап я финансировал, но чтобы внедрить проект в жизнь, требуется другой уровень» – понимающе кивнул:

– Государственная поддержка на самом верху.

Арсений выдал дежурную улыбку:

– Приятно иметь дело с умным человеком.

– Спасибо. – Кирилл Антонович вытянул из верхнего карманчика жилета мятый платок не первой свежести и промокнул им лоб: – О какой сумме идет речь?

– Бизнес-планом я пока не занимался – разговор предварительный, но предполагаю от ста миллионов и выше.

– Мы говорим о долларах, или евро?

– Наш банк ориентирован на американскую валюту, поэтому я апеллирую в ней.

Кирилл Антонович снова запустил руку в жилет, извлек из нижнего кармана калькулятор и надел очки.

– Вы хотите, чтобы брат рекомендовал этот проект правительству или Кремлю?

Арсений пожал плечами:

– Нам важен результат.

– Давайте договоримся на берегу. Я берусь вам помочь из расчета пяти процентов.

Банкир выразительно посмотрел на гостя:

– На двоих?

– Помилуйте, дорогой мой финансист, я высказался о личном интересе. У Владимира своя голова на плечах. Он у меня взрослый мальчик – его условия будете обсуждать с ним. И учтите, беседы с братом о деле – часть моей работы. И только уважение к вам заставит меня провести эту первую акцию себе в убыток. Вы меня понимаете?

– Конечно. Мы с вами свои люди, сочтемся.

Кирилл Антонович убрал мобильный в карман и резво поднялся с кресла:

– Надеюсь. А вас, господин ученый, я попрошу изложить суть вашего открытия письменно – одна, максимум две странички.

Александр Ильич бросил удивленный взгляд на визитера, затем на сына:

– Труд нескольких лет на две страницы?! Смеетесь?

Кирилл Антонович снова промокнул лоб платком:

– Нисколько. Брат – человек занятой: увидит много текста, тут же отправит в урну.

Александр Ильич решил, что ему послышалось:

– Бросит в урну полезный для отечества труд?

– Не задумываясь. – Кирилл Антонович выцарапал из необъятного жилета золотые карманные часы, внимательно на них посмотрел: – Простите, профессор, я уже исчерпал лимит времени. Подозреваю, ваш сын все понял и детали вам разъяснит, – и протянул ученому влажную ладошку.

Арсений проводил гостя и вернулся в кабинет. Александр Ильич выглядел растерянным:

– Наверное, я безнадежно отстал от жизни, сынок...

– Да, папа, у тебя доисторические представления о структурах власти. Сейчас высокие чиновники – ушлые ребята. Главная их забота, пока кресло под задницей, обеспечить себя. Так что не строй иллюзий. Пиши две страницы, а еще лучше – полторы. Коротко, понятно и без мудреных научных терминов.

– Нелегкая задача.

– Старайся, и учти, крутят бюджетом не идиоты. Эти мужики секут быстро. Особенно, когда им выгодно. Ты слышал, сколько он запросил?

– Слышал. Это огромные деньги!

– Пока цветочки. Неизвестно, сколько объявит его брат? Чем выше тело, тем дороже доступ к нему. Все, отец, поеду работать.

Арсений включил свой мобильный, и трубка тут же ожила. Говорил недолго, закончив беседу, как-то странно посмотрел на отца:

– Папа, я только что говорил с Живцовым.

- А кто такой Живцов?
- Главный из ребят, что присматривают за арендованной квартирой.
- Припоминаю. Такой квадратный субъект со стеклянными глазами. Его, кажется, Толей зовут...
- Он самый. Живцов доложил – твои орлы только что прихватили все из квартиры и сейчас катят в направлении северо-запада.
- Какие орлы?
- Не знаю, кто у тебя сегодня дежурит.
- Тарутян и Дружников оставили пост?
- Ты не понял? Они сперли деньги, безделушки и дали деру. Мои парни готовы их задержать. Но я хочу услышать твое мнение...
- Мнение... – Александр Ильич не мог осознать реальности происходящего. Столкнуться с подобным явлением в кругу близко знакомых ему людей профессор был не готов.
- Папа, решай. Я должен дать команду.
- Какую команду?
- Пойми, случись это с кем-то другим, сотрудники бы действовали по инструкции. Но тут они в затруднении. Похитители – твои ребята. Что если их фортели с тобой согласованы?
- Сын, ты в своем уме? Я приказал украсть твои деньги?
- В том-то и дело, не мои – вкладчиков.
- Подожди, дай подумать... Я, кажется, начинаю понимать.
- Что понимать, отец?
- Арс, двоим уголовникам я не активизировал ген «h», а пересадила его.
- Какая разница?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.